

АРИСТАРХ РИДДЕР

АВАНТЮРИСТ
НАЧАЛО

Литрес

Александр Гамильтон

Аристарх Риддер
Авантюрист. Начало

«автор»

2024

Риддер А.

Авантюрист. Начало / А. Риддер — «автор», 2024 — (Александр Гамильтон)

Что сказать, это был крутой отпуск, Флорида просто огонь да и Калифорния с Аляской тоже очень хороши, как же обидно что Россия оттуда ушла, эхх... Но что тут сделаешь. Прошное осталось в прошлом, а сейчас у меня «культурная программа», бродвейский мюзикл «Гамильтон», самая горячая новинка сезона, посмотрю и домой, в Москву, больные ждут, следующая операция уже во вторник... Давай мужик, я за тебя весь спектакль болел, пристрели уже этого хама и расходимся, мне еще на самолет успеть надо... Секундочку. Что тут происходит? Почему на мне какие-то старинные шмотки, а в руке дымящийся пистолет? И самое главное: почему вон тот товарищ целится в меня?! Примечания автора: Наш соотечественник волей судьбы попадает в тело Александра Гамильтона, первого министра финансов США.

© Риддер А., 2024

© автор, 2024

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Аристарх Риддер

Авантюрист

Начало

Пролог

– Ну что, мистер Фултон, готовы проверить вашу машину в настоящем деле?

– Конечно, мистер Гамильтон, для чего ещё я её строил?

Мы стоим на мостике новенького «Стелла Марис», первого в мире пароходофрегата. Нашего совместного с Робертом Фултоном детища, появившегося на свет почти на полвека раньше срока. Припасы и груз погружены. Угля мы взяли более чем достаточно. Оружия на борту хватит не то что для развития колонии – маленькую победоносную войну провести можно. Всё готово.

Я киваю Фултону. Видно, как господин изобретатель нервничает. Ещё бы! Первый рейс корабля – и сразу на такое расстояние. Затем я поворачиваюсь к капитану Плетневу. Он улыбается, но глаза выдают его сосредоточенность.

– Давайте, Иван Петрович, командуйте, выводите ваш корабль в море. Калифорния ждёт.

Глава 1

12 июля 2015 года. Нью-Йорк, Соединённые Штаты Америки.

Сегодня последний день моего затянувшегося отпуска, ночью у меня рейс в Москву. Послезавтра первая операция, надо будет ещё раз посмотреть историю болезни пациента. И с Викой надо что-то решать. Вернее, всё давно решено. Она не хочет понимать, что больные для меня всегда будут на первом месте. Да и пожалуйста, насильно никого не держим.

А неплохо я провёл эти три недели в Штатах! Прилетел в Сан-Франциско, пара дней в Калифорнии, а потом на машине через всю страну во Флориду. Пляжи там явно лучше калифорнийских, кто бы что ни говорил. И надо будет позвонить той сербке – может, из этого что-нибудь и получится.

Из-за Катарины я провёл во Флориде даже больше времени, чем планировал, и прилетел в Нью-Йорк буквально на один день и с одной-единственной целью. Собственно, я сейчас и выполняю последний пункт моей программы: мюзикл «Гамильтон» в театре «Ричардс Роджерс», самая горячая премьера на Бродвее за много-много лет. История о трагической судьбе парня с десятидолларовой банкноты и по совместительству первого министра финансов США.

Второй акт, совсем скоро Гамильтона смертельно ранят. Потом ещё пара композиций – и всё, можно будет в аэропорт.

Господи! Что это со мной, почему в груди такой холод? Не могу дышать! А вот это совсем плохо – похоже, у меня инфаркт...

Раннее утро 11 июля 1804 года, Уихокен, штат Нью-Джерси, берег Гудзона напротив Нью-Йорка.

Я лечу в каком-то узком и тёмном туннеле. Вот он расширяется и светлеет, стены становятся то зелёными, то синими, потом прозрачными. Я вижу себя мёртвого в театральном кресле. Кругом кричат. Все исчезают. Я падаю. Куда? Внизу лесная лужайка на берегу реки.

– Большая ошибка, Гамильтон, – слышу я голос. Что здесь происходит? Почему на мне какие-то старинные шмотки? Что у меня в руке? Это что, дуэльный пистолет? И почему он дымится?..

Человек, стоящий в десяти шагах напротив меня, вскинул такой же пистолет.

Прозвучал хлопок, и тот, кто ещё секунду назад был Александром Гамильтоном, первым министром финансов США, упал, поражённый точным выстрелом своего противника.

– Мистер Бэрр, вы это видели? – спросил у второго дуэлянта его секундант Уильям Питер Ван Несс, поднимая с земли сбитую пулей ветку над головой Аарона Бэрра. – С такого расстояния нельзя промахнуться. Гамильтон специально выстрелил мимо.

– Я видел только то, что он попытался уйти от выстрела, сделав шаг назад, – Аарон Бэрр, третий вице-президент США, был мрачен. Он не хотел убивать Гамильтона, с которым когда-то был дружен.

В это время присутствовавший на дуэли доктор Госак пытался оказать помощь тяжело раненому Гамильтону.

* * *

– Доктор, не старайтесь, рана смертельна, – сказал я склонившемуся надо мной мужчине. Почему я решил, что это врач? Сто процентов, что я вижу его впервые, но отчего-то уверен, что это доктор Госак, Дэви Госак. Как будто я знал его раньше. Силы покинули меня, и я опять погрузился во тьму.

Внезапно я как бы проснулся. Очень светло и тихо. Первым, что я увидел, стало лицо моего камердинера, старины Барри. Стоп, какой может быть камердинер у простого анестезиолога? Но я точно знаю, что это Барри. Тот самый Барри, которого я спас на Гарлемских высотах в далёком сентябре тысяча семьсот семьдесят шестого года. Я? А КТО Я?

Темнота. Сознание опять покинуло Александра.

– Мистер О`Салливан. Что с Гамильтоном? Он жив? – спросил у Барри Джеймс Эштон Байард-старший, близкий друг Гамильтона и хозяин дома, где тот сейчас медленно умирал.

– Мистер Гамильтон опять потерял сознание, сэр. С ним доктор Госак. Я боюсь самого худшего и еду к епископу Муру, – сказав это, Барри вышел из кабинета хозяина дома.

Кто-то включает и выключает тумблер моего сознания. Темнота, свет, темнота, свет. Что-то тёплое льётся мне в рот, и я прихожу в себя. Всё тело как будто в огне, где-то на задворках сознания я слышу голос:

– Сын мой, вы готовы принять последнее причастие?

Стоп-стоп-стоп, какое ещё последнее причастие? Кто это говорит вообще? С трудом поворачиваю голову и вижу типичного, как будто из какого-то сериала, англиканского священника. «Епископ Мур пришёл отпустить мне грехи перед смертью», – мелькнула в голове мысль. Странная слабость опять чуть было не отправила меня в забытье, но я удержался на краю.

– Мистер Гамильтон, вы слышите меня? – произнёс этот священник.

А вот это уже ближе, он назвал меня Гамильтоном. Каким Гамильтоном? Думай, голова, шапку куплю. Ты точно знаешь, кто это.

Странные одежды, странное оружие, люди, говорящие на каком-то странном английском. Знакомые мне люди, которых я, однако, никогда не видел. Надо что-то ответить, мне же задали вопрос.

– Да, – стоп, какое, блин, «да». Он же меня по-английски спросил. Как к нему обращаться? Батюшка? Отче? Падре? Святой отец? Ваше преосвященство? Ваше преосвященство!

– Да, ваше преосвященство.

– Мистер Гамильтон, сын мой, я тут по просьбе вашего камердинера и в память о ваших заслугах перед страной. Церковь не одобряет дуэли, а мистер Аарон Бэрр ранил вас именно на дуэли. Мистер Пэндлтон дал мне прочитать написанное вами перед дуэлью и сказал, что вы специально промахнулись. Я отпущу ваши грехи и причащу, только если вы заверите меня, что не собирались его убивать. Так ли это?

Итак, что мы имеем. Аарон Бэрр, епископ Мур, дуэль, странные одежды и меня называют мистером Гамильтоном. Получается, что я этот, как его, попаданец. Точно, я попаданец в тело первого министра финансов США.

Какая ирония, пошёл на мюзикл и попал в тело его персонажа. И как раз в тот момент, когда его убили. Однако этот Мур ждёт от меня ответа.

– Ваше преосвященство! Я не собирался убивать мистера Бэрра и специально выстрелил мимо, – и снова сознание покинуло меня.

– Господа, – обратился епископ Мур к ожидавшим его друзьям Гамильтона, – мистер Гамильтон снова потерял сознание, я отпустил ему грехи, но ещё не причастил. Если будет на то воля Господа нашего, ваш друг снова придёт в себя, и я закончу начатое.

Услышав это, Барри встал и прошёл в комнату, где лежал его хозяин. Все остальные в тишине раскурили сигары. Потянулись томительные часы ожидания.

– А вы знаете, господа, – сказал Нэт Пэндлтон, секундант Гамильтона на дуэли, – а ведь Бэрр застрелил Александра практически на том же самом месте, где на дуэли погиб Филипп, сын Гамильтона.

– Мистер Пэндлтон, я бы вас попросил, – сказал Барри, – мой хозяин жив и, даст Бог, будет жить...

* * *

– Какое сегодня число? – спросил я у Барри, едва открыв глаза. Судя по всему, он спал в кресле у окна, но проснулся, когда я пришёл в себя.

– Четырнадцатое июля, сэр.

Так, если я правильно помню, мой реципиент уже два дня должен быть мёртв. Вроде бы пуля раздробила два ребра, пробила печень и застряла в брюшной полости. Попробуем глубоко вдохнуть. Чёрт, больно! Рёбра действительно сломаны. Но что со всем остальным?

– Барри, где пуля, которой меня ранили?

– Вот она, сэр, – мой камердинер развернул платок и показал свинцовый шарик диаметром сантиметра полтора. Понятно, она прошла навывлет.

– Помоги сесть.

– Конечно, сэр. Сейчас.

Так, теперь посмотрим, что к чему. Откинув покрывало, я размотал не очень-то чистые бинты и провёл экспресс-осмотр. Невероятно... пуля наверняка задела печень. Я – как странно даже про себя произносить «Я» – должен был умереть от потери крови.

Должен был, но не умер. Чудеса. Хотя чего я удивляюсь. Моё сознание переместилось в прошлое, в тело другого человека. Это само по себе настолько непостижимо, что на этом фоне моё исцеление выглядит сущим пустяком. Очевидно, что мы очень мало знаем и о мире, в котором живем, и о человеческом теле.

– Где Элизабет? – спросил я. Раз уж выжил, надо поговорить с женой.

– Сэр, у меня для вас очень плохие новости. Дело в том, что миссис Гамильтон, она... – Барри замешкался, пришлось даже повысить голос.

– Что с ней? Что с моей женой?

– В тот день, когда вас ранили, сэр, рядом с портом нашли тело мужчины, как две капли воды похожего на вас. В «Нью-Йорк Пост» не стали разбираться, и на следующее утро газета вышла с сообщением о вашей смерти. Миссис Гамильтон увидела это, и с ней случился удар. Сэр, примите мои соболезнования. Она умерла.

Я побледнел и без сил откинулся на подушки.

– Мне надо побыть одному...

Барри кивнул и вышел.

Тот, кто должен был умереть, выжил, а та, кто должна была жить, умерла. Провидение осуществило какую-то рокировку. Никаких особенных чувств известие о смерти жены Гамильтона у меня не вызвало, всё-таки она мне абсолютно чужой человек. Но сам факт изрядно меня удивил. Я точно помню, что всё было совсем не так.

И тут я подошёл к главному вопросу. Что мне делать в этом времени? В Европе промежуток в наполеоновских войнах. Континентальная блокада уже действует, а на российском престоле мой тёзка, отцеубийца Александр Первый.

Здесь, в Северной Америке, тоже не скучно. США только что купили Луизиану и уже посматривают в сторону запада континента, где пока хозяйничают испанцы. Англичане тоже не сидят без дела и готовят попытку реванша. Совсем скоро, в 1812 году, начнётся англо-американская война, в которой подданные королевы сожгут Капитолий и Белый дом. Достойные поступки, жаль только, что потом они проиграют.

Итак, что мне делать? Можно, конечно, так и остаться Александром Гамильтоном, человеком с большими связями и очень большими долгами. Как-то разобраться с финансами и жить. Уехать во Флориду или на Кубу и переждать войну, а потом вернуться в Нью-Йорк.

Или можно попытаться столкнуть скрипящую телегу истории с известной мне траекторией. Так сказать, решить для себя вопрос о роли личности в истории. А что? Хорошая идея. Географию я знаю. Историю вообще и историю развития техники в частности – тоже.

Решено, будем через колено ломать объективные законы общественного развития.

Вот только как? США сейчас – задворки цивилизованного мира, лишь потом они выдвигнутся на первый план, а пока это так, захолустье. Все серьёзные дела решаются в Европе. Но мне пока туда путь заказан. Кто я сейчас для сильных мира сего? Никто, по большому счёту. Бывший министр бывшей колонии. Начну играть в оракула – сочтут забавным дурачком. Нет, надо сначала сделать себе настоящее имя.

Правда, для этого нужны деньги, а Гамильтон, как назло, по уши в долгах. Но ничего страшного, я знаю, где эти деньги взять, и это относительно несложно. Даже закон не придётся нарушать. Почти.

Планы пока составлять не буду, гнилое это дело. Сколько раз убеждался, чем подробнее планируешь, тем больше всего надо переделывать. Цель я знаю: направить Россию, – да, именно её, а не США, – по другому пути развития. Где не будет ни восстания декабристов, ни позора Крымской войны с последующим подъёмом народовольцев и прочей революционной нечисти.

Декабристы разбудили Герцена, а он, накатив стопарик, начал крутить головой в поисках денег. Естественно, что нашлись те, кто ему деньги дал. Лайми, кто же ещё?

А уж потом всё завертелось, и Россия пришла к революции, которая чуть было страну не угрбила. Иосиф Виссарионович, конечно, чутка поправил положение, но всё равно получилась какая-то задница.

Началось всё это давно, но сейчас ещё не поздно всё изменить. Чем я и займусь. Жаль, что телу уже сорок семь, но это лучше, чем ничего. Лет двадцать активной жизни у меня есть, а там видно будет.

Но сначала надо разобраться с семейными проблемами Гамильтона. У него, хотя нет, теперь уже у меня, остались дети. И я, хм-м, их люблю, что бы ни писали по этому поводу современники и потомки. Значит, надо устроить их ближайшее будущее.

Благо для этого у меня есть друзья. Да и мой несостоявшийся убийца может ещё пригодиться...

– Барри, – позвал я своего камердинера. Через секунду он вошёл в спальню. – Я же в доме у Байарда-старшего?

– Да, сэр.

– Отлично, позови его и принеси перо и бумагу...

– Александр, я так рад, что ты выжил. Это настоящее чудо! Доктор Госак сказал, что рана была смертельна, Нэт Пэндлтон тоже сказал, что после такого не выживают.

– Друг мой, видимо, Господу нашему я всё ещё нужен здесь. Я могу попросить тебя об одолжении?

– Конечно, всё что угодно.

– Я собираюсь уехать из Нью-Йорка на какое-то время, и мне нужны деньги. Не мог бы ты заняться продажей моего дома? Его цены должно хватить на покрытие моих долгов.

– Хорошо, если ты так хочешь.

– Спасибо, дорогой друг, а теперь, если можно, оставь меня. Мне нужно написать несколько бумаг.

Оставшись в одиночестве, я приступил к написанию писем. Поначалу писать пером было неудобно, но потом я расслабился, и мышечная память оригинала взяла своё.

Писем было несколько, и все они, за исключением одного, были очень похожи:

«Дорогой (имя адресата), я чудом выжил после дуэли, но судьба тут же нанесла мне тяжёлый удар, отняв мою Элизабет. Находясь на пороге смерти, я понял, что много бед причинил

моей семье, и решил, что мне нужно покинуть моих близких. Однако я не могу оставить их без средств к существованию и прошу вас помочь моей семье как материально, так и морально. Надеюсь, вы помните, как многим вы мне обязаны, и не оставите это письмо без внимания». И так нескольким адресатам, включая губернатора Нью-Йорка Льюиса Моргана.

В письме к моему противнику на дуэли, мистеру Бэрру, я извинился, ведь это я был её причиной, так как оскорбил его, и также попросил о помощи моей семье. Я был уверен, что и он мне не откажет, в прошлом мы с ним были дружны. Тем более я знал, что в моей прошлой реальности мистер Бэрр очень корил себя за убийство Гамильтона.

Закончив писать, я позвал Барри и попросил его разнести письма по адресатам. Эта работа отняла у меня очень много сил, и я заснул, откинувшись на подушки.

Следующие пару дней я беззастенчиво пользовался гостеприимством Байарда и принимал посетителей. Всё, что я знал и помнил о Гамильтоне, оказалось правдой. Очень многие влиятельные люди Соединённых Штатов Америки были у него в долгу. Вместе они организовали фонд, выкупивший мои долги и обеспечивший моим детям достойное содержание. Если у меня всё получится, я расплачусь с друзьями Гамильтона, если нет, значит нет.

Всё устроилось в лучшем виде, детей взяли к себе родственники моей покойной жены, дом я продал, а в день моего отъезда из Нью-Йорка меня посетил мистер Бэрр.

– Мистер Гамильтон, – начал Аарон. – Я получил ваше письмо, оно меня удивило, учитывая, сколько грязи вы на меня вылили в последнее время. Однако Господь велит прощать, и я прощаю вас. Признаться, я рад, что не убил вас. Это стало бы тяжёлым грузом для меня. Поэтому я приму самое активное участие в судьбе ваших детей и прошу принять это, – с этими словами он протянул мне увесистый конверт, – здесь десять тысяч долларов. Куда бы вы ни отправились, эти деньги точно не будут лишними.

– Я надеюсь, это не подарок?

– Нет, конечно, вы в свойственной вам манере меня перебили. Это ссуда. Отдадите через десять лет.

– В таком случае я их приму. Могу вас заверить, я отдам их намного раньше.

– Рад это слышать. Теперь позвольте откланяться, и удачи.

– Спасибо, Аарон.

Однако, не ожидал я от Бэрра такого широкого жеста. Десять тысяч долларов, шестнадцать килограмм золота. Сколько это в ценах две тысячи пятнадцатого? Миллиона четыре, не меньше. Это даёт мне намного больше возможностей.

Ну что ж, дела в Нью-Йорке закончены, пора покинуть будущее Большое Яблоко.

– Барри, лошади заложены?

– Да, сэр. Всё готово.

– Том с семьёй предупреждены?

– Конечно, сэр.

– Отлично, поехали.

Глава 2

Да уж, сорок семь – это не мои тридцать пять. Тело, прямо скажем, мне попало не очень кондиционное. Одышка, суставы скрипят как несмазанная телега, головные боли с бессонницей, ещё и последствия ранения. Хорошо хоть с мочеполовой системой всё в порядке во всех смыслах. Оно мне, конечно, сейчас не особо нужно, но приятно, что всё работает.

Как бы я ни хотел сразу приступить к выполнению своих наполеоновских планов, сначала надо привести себя в порядок.

Физические упражнения мне сейчас противопоказаны, начнём с диеты. Никакой клетчатки, бульончик, курочка и печёнка. От любимых вредных привычек тоже надо пока отказаться. Виски с сигарами убираем в долгий ящик, да и нет причин для их употребления.

А вообще, это очень странно. Характер моих повреждений такой, что от них умирают. Даже в двадцатом веке такие ранения часто приговор, а уж в девятнадцатом и подавно. В лучшем случае тело должно быть приковано к кровати на много-много дней.

Однако прошло всего две недели, а я уже начал ходить – пока с тростью и вздрагивая от каждого неловкого движения, но ходить. День ото дня мне становилось всё лучше, скоро начну гимнастику, а потом и полноценные тренировки. Не иначе, высшие силы имеют на меня какие-то планы. Никогда не был особенно религиозным, но тут волей-неволей начинаешь думать о высоких материях.

Я сразу обозначил для себя, что хочу получить. Надо вспомнить всё, чему учили в военном институте и на службе. А учили меня всякому и на совесть. Пока меня не ранили в одной весьма интересной стране, где официально «друзей с севера» и не было никогда, я успел повидать очень много. И чувствовал, что здесь мне всё это понадобится.

Но для спаррингов нужны партнёры с хорошей подготовкой, поэтому сейчас я сидел на стволе бука, а сыновья моего слуги Тома – Гектор и Ахиллес – проходили интенсивный курс молодого бойца.

– Прекрасная работа, юноши! А теперь взяли по парочке вот этих замечательных двадцатифунтовых ядер и бегом вон на тот холмик, – наградой мне стали два ненавидящих взгляда, но юноши молча повесили на плечи утяжелители и молодыми сайгаками побежали.

– Господин Гамильтон, не изволите ли пообедать? – Ко мне подошёл Том, пятидесятилетний мулат. Когда-то они с женой, миниатюрной Луизой, были рабами моей покойной жены, но вот уже почти двадцать лет как я дал им свободу, и теперь они мне служат как свободные люди.

– Конечно, старина. Что там приготовила Луиза?

– Для вас, сэр, бульон с яйцом и отварная курица.

– Хорошо, побудь тут, пока твои оболтусы бегают. Как вернутся, пусть отожмутся по пятьдесят раз и идут обедать.

– Хорошо, господин.

* * *

Мы в Нью-Джерси, в доме моего камердинера. Его я выбрал для своей временной базы. Здесь не было соседей и, самое главное, имелся большой пустой амбар, разделённый на две части. То, что нужно для хомяка-добытчика, в которого я скоро превращусь.

Поистине царский подарок Бэрра я решил сразу пустить в дело и отправил Барри в Бостон. Там мой верный ирландец занимался закупками нужного мне оборудования и припасов. А понадобится мне много всего, и на всё нужны деньги. Одни только паровые машины

встанут в копеечку. Они, конечно, будут нужны мне не здесь, а... об этом пока молчок, даже в мыслях не буду загадывать, мало ли что.

Но и без них список впечатлял: глицерин (благо он уже известен, и в Америке его производят), азотная кислота, серная кислота, полые четырнадцатифунтовые стальные ядра с затравочным отверстием, порох, химические реактивы, медь и гремучая ртуть для капсулей Шоу. Кизельгур достанем потом – я знаю, где его найти, но что это такое, знаю только я.

Сведущий человек, увидев мой «список желаний», сразу бы понял, что к чему. Да, я хочу изготовить разрывные ядра, снаряжённые динамитом и стальными пулями. Шрапнель уже принята на вооружение англичанами, мой вариант будет намного круче.

Динамит в качестве взрывчатого вещества в ядре, и есть у меня безумная идея насытить порох парами нитроглицерина. Если в процессе не убьюсь, получится чудо-оружие. Моя артиллерия будет бить значительно дальше и намного сильнее.

Сами пушки мне привезут чуть-чуть попозже. В вопросе их приобретения здорово помогли мои связи. Всё-таки Гамильтон, помимо того, что занимал пост министра, служил в армии юных США, и не просто служил, а был целым генералом. Даже газетная статья про смерть Александра в уже неактуальном варианте истории называлась: «Полковник Бэрр застрелил генерала Гамильтона».

Там, где я хотел получить первоначальный капитал, по-прежнему шалили идейные последователи сэра Френсиса Дрейка. Для дискуссии с этой милой публикой лучше заранее подготовить доводы повышенной разрушительной силы – убойные, так сказать, аргументы.

Была ещё мысль про нормальное огнестрельное оружие, но его пока не изготовить, а вот когда получу капиталец, вот тогда-то... Но и об этом я пока говорить не буду.

Помимо продвинутых средств убийства своих ближних я начал подготовку и к противоположным действиям. Это по первому образованию я лицензированный массовый убийца, а вот второе образование у меня медицинское.

Поэтому простите, господин Пирогов, не стать вам основателем военно-полевой хирургии. Впрочем, думаю, что он не обидится, а просто на моих, так сказать, плечах продолжит развитие. Да и вообще, я много кого собираюсь маленько подвинуть с научными приоритетами.

Для этого тоже нужны материалы и оборудование, одни только нормальные термометры и шприцы чего стоят. Ни того ни другого пока ещё нет, но изготовить всё это реально, я так думаю.

После обеда пришла пора переквалифицироваться в учителя. Барри-младший, сын моего камердинера, вместе с Розой, дочкой Тома, сели за парту, а я стал их образовывать в рамках школьного курса физики, химии и другого ботанства. Конечно, пришлось изрядно адаптировать способ подачи и количество материала, но ничего. Эти девственные умы впитывают всё буквально как губки. Твердолобые ирландцы сначала не понимали, почему я вожусь с чернокожими, расизм здесь это не пустое слово, а печальная реальность, но ничего, моего авторитета хватало, чтобы гасить конфликты в зародыше.

От всей этой работы к концу дня у меня закипели мозги, так что в постель я буквально рухнул.

* * *

– Ладно, ребята, давайте посмотрим, чего вы стоите сейчас, – сказал я своим ученикам. С момента моего попадания на «землю возможностей» прошло уже три недели. Я, к удивлению моих людей, почти оправился от раны. Боли пока что не ушли, но ходил я без трости, хотя хромал, конечно, и глубоко дышать было трудно. Впрочем, это всё лирика, надо начать тренировать ребят по-настоящему. Времени у меня почти нет.

Гектор и Ахиллес были похожи друг на друга как две капли воды: высокие, сильные, красивые своей дикой красотой. В моём времени наверняка могли бы стать спортсменами не из последних. Я на их фоне выглядел старой развалиной. Но ничего, сейчас я их немного удивлю.

– Парни, не забудьте, что я вам говорил утром, – крикнул издали Том.

Я оглянулся и увидел, что на крыльце дома Барри стоит мой слуга с женой и хозяйкой дома, миссис О`Салливан. Жена Барри рано постарела после сильнейшей лихорадки и с радостью встретила появление Луизы в своём доме.

Не надо читать мысли, чтобы понять, что Том говорил сыновьям. Наверняка предупредил ребят, что их ждут очень большие неприятности, если они ненароком помнут хозяина.

Я дал сигнал, и юноши медленно начали приближаться. Шли рядом, будто ища друг у друга поддержки. Моя поза была нарочито расслаблена, возле ног лежала крепкая трость.

Когда расстояние стало меньше двух метров, ребята, переглянувшись, рванули ко мне. И через секунду оказались на земле. Я ногой подбил в воздух трость, схватил её и, сместившись влево, под неудобную для сыновей Тома руку, аккуратно заплёл ноги Ахиллеса, а потом и Гектора.

Сзади послышался довольный смех Барри-младшего и Розы. Моим будущим светилам науки понравилось, как я отправил в полёт физически намного более крепких юношей.

– Мистер Гамильтон, это нечестно, – сказал Ахиллес, поднявшись с земли.

– Что нечестно, молодой человек?

– У вас была трость. Мы думали, что будем драться голыми руками, – едва он это сказал, как этой же тростью ему ощутимо прилетело по рёбрам.

– Ахиллес, я похож на идиота? Зачем мне с вами драться на кулаках? Вы с братом выше меня на голову, тяжелее, быстрее, моложе и сильнее. Запомните первый урок. От врага надо ожидать всё что угодно. У любого за пазухой может оказаться нож или пистолет в кармане сюртука. Всегда надо быть готовым к любым неожиданностям. И вы, молодые люди, тоже должны уметь использовать всё, до чего можете дотянуться. Трость, палка, булыжник, да хоть бутылка с виски. Мы с вами не в игры играем. Вы должны быть готовы в любой момент защитить не только себя, но и тех, кто рядом. Ясно?

– Да, мистер Гамильтон.

– Отлично, тогда попробуем ещё.

В этот раз братья во все глаза смотрели на трость. И снова им это не помогло. Я сам пошёл в атаку, метнул моё оружие в живот Гектору, и тот упал, согнувшись. Брат отвлёкся на него буквально на секунду, а я был уже тут как тут. Нехитрая подсечка, парень летит на землю, я хватаю его руку и провожу болевой.

– Том, это никуда не годится. Твои сыновья здоровые как вставший на задние лапы медведь, а не могут справиться с раненым стариком. Может, отправить их зубрить физику, а вместо них учить драться Розу? – Я лукаво подмигнул чернокожей девочке, та только засмеялась.

– Хозяин, дайте им ещё один шанс. Если они опять не справятся, гоните их в шею!

– Хорошо. Вставайте, юноши, ещё раз!

Наконец-то они решили разойтись в разные стороны. Я стоял между ними, а парни описывали вокруг меня широкий круг. Переглянувшись, они атаковали меня. Гектор даже сумел вцепиться в трость – видимо, такой у него был план. Правда, лучше бы он этого не делал. Я легко ушёл в сторону и, придав его движению нужную траекторию, направил его точно в чуть замешкавшегося брата. Секунда – и оба снова на земле.

– По-прежнему плохо, но вы хотя бы не топтались рядом. Роза и Барри, вот вам практический пример преобразования потенциальной энергии в кинетическую и пример использования рычага, конечно. Как видите, даже в драке физика очень хорошо применима. Вставайте, юноши, и идите мыться, потом мы продолжим ваши тренировки, вы не безнадёжны...

* * *

– Таким образом, мои юные студенты, квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов. Вам всё понятно?

– Да, сэр, – хором ответили Барри и Роза.

– Молодцы. А теперь настала пора проверять ваши эссе про Платона. Барри, ты первый.

– Да, сэр, – Барри-младший встал, взял в руки листы с текстом и начал читать: – Платон это древнегреческий философ, родившийся в Афинах...

– На древнегреческом, молодой человек, – прервал его я.

– Мистер Гамильтон, сэр, вы ничего не говорили о том, что нам нужно подготовить эссе не на английском.

– Для тебя проблема сразу прочитать твой текст на древнегреческом?

– Нет, сэр... то есть да, сэр.

– Значит, переводить песенки про весёлых вдовушек для тебя не проблема, а твой собственный текст – это проблема? Ладно, садись. Роза, твоя очередь.

– Простите, сэр. Я тоже не готова.

– Ясно, ну что ж, у вас есть час, чтобы подготовиться. Я пока пойду посмотрю, как дела у Гектора с Ахиллесом...

– Готовы?

– Да, сэр, – снова хором ответили они.

– Хорошо, Роза, теперь ты будешь первая. Начинай, на латыни...

Вот такими, не очень честными, на первый взгляд, методами я и учил своих будущих исследователей и телохранителей. Впрочем, ни они, ни их родители не жаловались.

* * *

На следующей неделе начали потихоньку доставлять заказанные Барри товары. И первым пришло оборудование и материалы для Тома, который был не просто моим слугой, но ещё и очень умелым стеклодувом и столяром.

Старина Том не умел читать, но руками работал на каком-то запредельном уровне, настоящий самородок-самоучка. И первой задачей, которую я поставил перед ним, было создание заготовки для ртутного медицинского термометра.

Может показаться странным, но в это уже достаточно просвещённое время у врачей практически отсутствовало понимание о важности измерения температуры больного. Только во второй половине девятнадцатого века появились медицинские термометры, а пока что измеряли только температуру окружающего воздуха.

По счастью, ничего сложного в изготовлении экспериментальных образцов не было, и вскоре Том получил первые колбы, пригодные для создания ртутных термометров. Конечно, его изделиям было далеко до законченного совершенства градусников двадцатого века, они были большими, даже очень большими. Но их можно было использовать.

Девятнадцатого августа тысяча восемьсот четвёртого состоялось эпохальное событие – мы с Томом закончили первый в мире ртутный медицинский термометр. Этот мир больше никогда не будет прежним, первое изобретение, опередившее своё время, появилось на свет.

Правда, оценить весь масштаб этого события мог только я. Мои слуги восприняли это совершенно спокойно. Они вообще особенно не удивлялись произошедшим с их хозяином переменам.

А перемены были. Я как будто стал моложе. Седина куда-то ушла, в движениях стала появляться лёгкость, присущая мне будущему, а не настоящему. Исчезла одышка, я буквально чувствовал, что разом скинул десяток килограмм, хотелось прыгать, бегать, распевать песни и радоваться жизни.

Я даже стал задумываться о женщинах, но это было бы неприлично, у меня как-никак жена недавно умерла. И кстати об этом, я чувствовал, что неправильно поступил с семьёй Гамильтона. Мой реципиент был большой сволочью, но младшие дети его любили.

Решено, еду в Нью-Йорк, надо поговорить с семьёй...

* * *

Ну что ж, разговор получился. И дети, и родители покойной Элизабет были рады меня видеть. Я рассказал им о своих планах – не о всех, конечно, только о тех, что касаются денег, и то далеко не всё. Теперь все будут уверены, что я отправляюсь заработать капитал, который позволит оплатить друзьям и обеспечить достойное содержание детям.

На самом деле, это недалеко от истины. Если у меня всё получится, дети Гамильтона займут такое место в мире, которое было бы невысказано даже представить в другом варианте истории.

До дома Барри я добрался ближе к вечеру и сразу почувствовал что-то неладное.

Ворота были открыты настежь, а окна зияли свежеразбитыми стеклами. Спрыгнув с коня, я вбежал внутрь. Там я нашёл Тома, лежащего на полу с разбитой головой. Он был жив, Луиза и миссис О`Салливан хлопотали над ним, в углу сидела зарёванная Роза. А Барри-младшего я обнаружил на заднем дворе, мальчик держал в руках заряженный мушкет, а за поясом у него я увидел два пистолета.

– Что тут произошло, парень, рассказывай. И где Гектор и Ахиллес?

– Сэр, – Барри собрался с мыслями и начал свой рассказ...

* * *

День начался как обычно, мистер Гамильтон вчера уехал в Нью-Йорк, раздав задания своим людям, и должен был вернуться сегодня к вечеру.

Гектор и Ахиллес, после того как помогли матери и миссис О`Салливан, отправились на берег Гудзона, поплавать и наловить рыбы. Неизвестно, что там произошло, но после полудня к дому заявился десяток сильно пьяных молодых людей. У них на телеге лежали связанные и избитые братья.

– Кто хозяин этих дерзких рабов? – закричал с седла один из всадников.

– Извините, сэр, но тут нет рабов, – ответил вышедший им навстречу Том. – И я, и вся моя семья – свободные люди. Мы слуги мистера Александра Гамильтона. Что вы сделали с моими сыновьями?

– Я не разговариваю с грязными неграми! – воскликнул пьяный и наотмашь ударил Тома по голове чем-то тяжёлым. Тот упал под копыта коня.

– Господа, давайте посмотрим, что тут есть! – закричал предводитель погромщиков и хотел было уже слезть с коня.

Помешал ему Барри-младший, мальчик проявил достойное взрослого мужчины хладнокровие. Пока Том разговаривал с незваными гостями, он зарядил мушкет и, когда слуга упал, пальнул в воздух.

– Так, ну их к дьяволу! Эй вы, в доме! Слушайте меня внимательно. Если этот Гамильтон хочет получить обратно своих рабов, он должен заплатить мне компенсацию. Жду до завтра. Запомните, меня зовут Филипп Кросби-младший.

* * *

Кросби, Кросби, Кросби... Что-то знакомое. А точно, Барри рассказывал, что есть тут такой рабовладелец, редкий живодёр, затравливающий провинившихся рабов собаками. А это, значит, его сыночек развлекается.

Ладно, суки, держитесь. Вы даже не подозреваете, с кем связались!

Глава 3

– Полковник Филд?

– Да, господин генерал, это я.

– Мне нужна рота вашего полка. Сейчас.

– Конечно, сэр. Дженкинс, подойдите, – Филд подозвал к себе немолодого первого лейтенанта, – поступаете в распоряжение генерала Гамильтона.

– Сэр, есть, сэр!

– Отлично, спасибо, полковник. Лейтенант, у ваших драгун есть десять минут, здесь недалеко, вечером вернётесь в расположение полка.

Конечно, я не собирался лезть в поместье Кросби в одиночку, нашли дурака. В конце концов, Гамильтон – бывший генерал американской армии и герой войны за независимость. Вот пусть молодая армия молодой республики мне и поможет.

И бардак в этой молодой армии царил первостатейный, десятью минутами там и не пахло. Только через полчаса нестройная колонна кавалеристов выдвинулась к поместью Кросби.

Под мерный стук копыт я задумался. Что бы ни отчебучили братья, это только первый звоночек. Мои люди становятся слишком отличными от окружающих. Ирландцы, чернокожие, все они сейчас это второй, а то и третий сорт для американцев. Особенно эти слова удивительны в отношении уроженцев Зелёного острова. Это нам, детям двадцатого века, кажется, что только негры и индейцы были жертвами расизма в Штатах. Ха, как бы не так! Ирландцы на протяжении всего девятнадцатого века были незванными чужаками для американцев, им не давали работу, выгоняли из своих домов, грабили, убивали и насиловали.

Так что, постоянно общаясь с подобным «отребьем», я рано или поздно стану изгоем в приличном обществе. Значит, надо валить. Но куда?

Первоначально я планировал осесть в Новом Орлеане, он только что стал американским, нравы там царили достаточно свободные. Город был полон авантюристов и прочих дельцов всех мастей. Но это тоже США. Так что это мне не подходит. Остаётся только Новая Испания.

Подданные его христианнейшего величества Карлоса Четвёртого отличаются несколько большей терпимостью. Рабство там, например, уже частично отменено, а полностью его отменят намного раньше, чем в Штатах. Испанцы, конечно, тоже далеко не ангелы, местных жителей обеих Америк они не считают равными себе, а раньше вообще устраивали геноцид за геноцидом. Но всё же там лучше, чем в США.

Да, Новая Испания, а именно Куба. Гавана – один из богатейших городов Нового Света, климат опять же лучше, чем в Мексике или, допустим, в Аргентине. К деньгам близко, а от вице-короля далеко, идеальная ситуация.

Вот и поворот к поместью Кросби, о чём свидетельствует большой деревянный щит: «Частная территория, проезд и проход только для членов семьи Кросби или их гостей, охрана стреляет без предупреждения!». Проигнорировав эту недвусмысленную угрозу, я направил лошадь на частную дорогу. Драгуны последовали за мной.

А вот и охрана – пяток молодчиков неопределенного возраста верхом на лошадях. Стрелять они, конечно же, не стали, глаза у них на месте, увидели армейскую колонну. Это вам не парочка случайно зашедших на территорию беглых рабов или бродячий проповедник. Это сила.

Вместо стрельбы они развернулись и галопом поскакали прочь от нас, не иначе предупредить. Что ж, скоро увидим торжественную делегацию встречающих.

И они не заставили себя ждать – десятка два всадников, увешанных разнообразным оружием. Впереди двое, грузный седой мужчина с лицом завятого любителя выпить и его более молодая копия, – видимо, это есть отец и сын Кросби.

– Дженкинс, разверните драгун в цепь и пусть держат оружие наготове, – устраивать бойню я не собирался, но надо дать понять этим двоим всю серьёзность моих намерений.

– Кто вы такой и кто дал вам право находиться на моей земле? – Голос у старшего под стать внешности, глухой и противный.

– Генерал Александр Гамильтон, – ответил я и выразительно посмотрел на младшего. Ага, испугался, глазки забегали и губы шевелятся. Не иначе пересчитывает драгун.

– И что вы делаете на моей земле, господин генерал?

– Я пришёл за моими людьми, мистер Кросби. Ваш сын сегодня захватил двух моих слуг.

– Если вы о тех молодых нигерах, то можете разворачиваться и уезжать. Эти животные оскорбили моего сына и его друзей, я вам их не отдам. Теперь они принадлежат мне.

А вот это интересно, что-то этот боров слишком борзый. Чтобы так разговаривать с генералом, который во главе целого отряда, надо иметь просто железобетонную уверенность в собственных силах.

– Кросби, слушай меня внимательно, – я подъехал вплотную к этим двоим, – ты не только их отдашь, а ещё и извинишься и заплатишь мне за беспокойство. Ты, видимо, не понимаешь, кто перед тобой.

– Передо мной любитель грязных нигеров, вот кто! Убирайтесь с моей земли!

Ну всё, жирный, ты сам напросился!

Втыкаю каблуки в бока моего коня, тот бросается вперёд, а я, оказавшись на расстоянии вытянутой руки, бью старшего Кросби точно в его сальную рожу. Тот, не ожидая ничего подобного, буквально вылетает из седла, а я приставляю заряженный пистолет ко лбу его сыночка.

– Дженкинс, разоружите всех. Это банда похитителей людей. Быстро!

Старший Кросби встаёт на ноги, но тут же снова летит кубарем. Теперь уже от удара моего кавалерийского сапога.

Через десять минут, избавив охрану Кросби от уже ненужного им металла, мы продолжили движение в сторону поместья. Отец и сын ехали рядом, со связанными руками и заткнутыми ртами.

Гектора и Ахиллеса я нашёл прикованными к столбу в большом амбаре. Судя по их спинам, парней недавно порололи кнутом – ярко-красные рубцы всё ещё кровоточили.

Приказав солдатам освободить их, я самолично промыл и перевязал их раны. Закончив, я было собрался приказать подогнать какую-нибудь телегу, погрузить на неё ребят и двигаться в сторону господского дома, чтобы получить от хозяев поместья компенсацию. Но моё внимание привлек звук, доносившийся из-за двери в другую часть амбара.

Дверь была заперта, пришлось взять большую кувалду и снести замок ко всем чертям. Зайдя внутрь, я потерял дар речи от того, что увидел.

Там было три темнокожие женщины. В другой момент про них можно было бы сказать, что они красивые, но не сейчас. Две мёртвые, при этом умерли они от пыток, о чём свидетельствовали различные пыточные инструменты, и одна живая.

Это стало последней каплей для меня. Я подошёл к стоящим на коленях Кросби и снёс каждому голову выстрелом из пистолета. Затем освободил живую жертву этих нелюдей и на руках отнёс её к Гектору и Ахиллесу. Дженкинс смотрел на меня расширенными от удивления глазами.

– Вы что-то хотите сказать, лейтенант? – спросил я его.

– Да, сэр! За что вы только что убили двух этих джентльменов? Если они присвоили ваше имущество, можно было просто забрать рабов обратно и получить компенсацию, сэр!

Услышав это, я сплюнул от досады.

– Дженкинс, где вы тут видите джентльменов? Вы про эти два куска дерьма? Так это не то что не джентльмены, они даже не люди. Как вы думаете, кто сделал это? – спросил я, показывая рукой на два женских трупа.

– Думаю, что они, сэр. Но это же их рабыни, их собственность.

– И что? Это повод делать вот это?

– Простите, сэр, я вас не понимаю.

– Хорошо, сожгите этот амбар и можете возвращаться со своими людьми в форт. И вот ещё что, – я сорвал с пояса кошелек, – тут четыреста десять долларов. По четыре доллара драгунам и десять вам.

Я видел, что Дженкинс не одобряет мои действия, но деньги он взял. Конечно, это не означало вообще ничего. Я более чем уверен – когда он окажется у себя в форте, то тут же подаст докладную полковнику Филду.

По нынешним законам я только что совершил преступление, убив двух уважаемых джентльменов. Поэтому нужно срочно сваливать отсюда. Хорошо хоть до дома Барри было существенно ближе, чем до форта полковника Филда.

На развилке я попрощался с Дженкинсом, сел на место возницы и направил телегу к дому Барри. На самом деле зрелище ещё то! Цельный генерал в роли возницы, а его верный конь плетётся, привязанный сзади. И сыновья Тома, и спасённая мной женщина были без сознания. Разберусь с ними, когда приеду, сейчас просто некогда.

На моё счастье, когда я добрался до дома, то первым, кого увидел, был Дукас.

Гамильтон познакомился с этим пройдохой-греком во времена войны за независимость. С одной стороны, знакомство с Дукасом было очень полезным, а с другой – о подобных знакомых не говорят в приличном обществе.

Грек зарабатывал деньги способом, который не очень сочетался с законом, а именно контрабандой из Новой Испании в США. Ром, табак, красное дерево и какао. Дукас возил всё, что можно быстро и выгодно продать.

Он был в долгу у Гамильтона, то есть у меня, и когда я задумал покинуть Нью-Йорк, то сразу вспомнил о нём. Ещё в доме у Байарда я написал ему письмо и пару недель назад получил ответ. И вот сейчас я вижу Дукаса собственной персоной.

– Ты даже не представляешь, как я рад тебя видеть!

– Я тоже рад вас видеть, мистер Гамильтон.

– Ты с Барри?

– Конечно, сэр. Всё сделано в точности так, как вы изложили в письме. Я сначала сходил в Бостон, забрал оттуда вашего камердинера вместе с кучей баракла, а потом пошёл сюда.

– Отлично! Сколько у тебя людей?

– Только я и сыновья, Янис и Панайотис.

– Хорошо, начинайте погрузку. А я пока займусь моими пассажирами, – сказал я, кивнув на телегу.

Ну что ж, всё не так страшно. Первым делом нашатырь под нос, а затем уже приступим к обработке ран. Шрамы у парней, конечно, останутся, но в целом они ещё легко отделались. Я промыл раны и обработал их перекисью водорода – как удачно, что я получил её буквально позавчера. Затем я наложил компрессы, смоченные отваром пижмы, – эта трава содержит просто запредельное количество ацетилсалициловой кислоты и должна помочь, – после чего перевязал ребят. Организмы у сыновей Тома здоровые, скоро всё будет хорошо.

А вот с женщиной всё оказалось намного хуже. Шрамов от кнута не было видно, но и без них выглядела она ужасно – четыре перелома, гематомы на всём теле, хорошо хоть следов сексуального насилия нет. Видимо, ублюдки просто не успели.

Чёрт, она ещё и в себя пришла, как не вовремя!

– Тихо, тихо, – прошептал я ей, – ты в безопасности, я помогу тебе.

Взял бутылку рома и чуть ли не силой заставил её пить. Не лучший вариант болеутоляющего, но другого у меня пока нет. Глоток, другой, третий, вроде затихла.

Через час закончил и с ней. Обработал раны, на сломанные конечности наложил шины. Даст Бог, поправится.

Пока возился с моими первыми пациентами в этом мире, погрузка почти закончилась, и Дукас с сыновьями грузили пушки. Новенькие четырнадцатифунтовки привезли мне позавчера. Часть из них встанут на шхуне моего друга, пока с обычными ядрами и порохом, а по прибытии в Испанскую Флориду начну эксперименты с нитроглицерином.

Грузились мы до глубокого вечера и закончили с фонарями. Моё окружение не понимало, почему такая спешка, но я чувствовал, что надо торопиться, вот буквально что-то меня подталкивало.

Свою правоту я ощутил, когда шхуна Дукаса отошла от берега. Дом Барри стоял высоко над берегом, и то, как он вспыхнул, было хорошо видно. Миссис О`Салливан ахнула и осела на палубу, а мой камердинер грязно выругался. Остальные просто молча смотрели. Мы ещё долго видели этот факел, пока шхуна медленно выходила в море. Впереди нас ждало несколько дней пути до Чесапикского залива.

В бытность свою сначала школьником, а потом слушателем военного университета, я сильно интересовался историей техники вообще и военной в частности. Благодаря моей эйдетической памяти я помнил практически всё, что когда-то читал. И одной из книг была книга про динамит.

Там, конечно, не было точной информации про то, как изготавливать нитроглицерин, это я узнал значительно позднее. Нет, там было нечто, как выяснилось, намного более важное. А именно, карта месторождений диатомита, или кизельгура.

Эта замечательная горная порода, в основном состоящая из остатков диатомовых водорослей, имеет массу вариантов применения. Но меня она сейчас интересовала как основа для производства динамита, который я планировал получить, пропитав диатомитовый песок парами нитроглицерина.

Так вот, одно из месторождений кизельгура находилось относительно недалеко, на западном берегу Чесапикского залива, в пойме реки Саскуэханна. Там этот минерал можно было набрать прямо на берегу.

Плавание заняло чуть более двух суток, и двадцать третьего августа мы встали на якорь. На поиски нужного количества минерала ушёл почти целый день.

Лично я участия в этом не принимал. Во-первых, не барское это дело. Во-вторых, и без меня тут хватало молодых здоровых лбов, а в-третьих – у меня на руках больная женщина, которую нужно выхаживать.

Спасённая мной рабыня оказалась метиской: полуиспанкой, полуиндианкой. Когда у неё начали спадать отёки, я удивился тому, насколько она оказалась красивой. От двух народов она взяла самое лучшее, и получилась взрывоопасная смесь. По-английски она не говорила, но Гамильтон, чьей памятью я беззастенчиво пользовался, довольно сносно говорил на испанском.

История Селии, так звали спасённую мной девушку, которой оказалось всего восемнадцать лет, была, с одной стороны, удивительной, а с другой – обычной для этого времени.

Дочь одного из вождей семинолов и горничной испанского гранда до пятнадцати лет воспитывалась матерью, а затем, когда та умерла, стала жить в племени с отцом. Селия выросла католичкой, но при этом знала и любила обычаи семинолов. Ахайя, так звали её отца, испытывал к ней самую настоящую любовь, и девушка была счастлива.

Так продолжалось три года, ровно до того момента, как экзотичную для индейцев женщину не выкрали невесть откуда взявшиеся работоторговцы из племени кри.

Вообще, работорговлей занимались практически все коренные жители Америки, все эти семинолы, команчи, ирокезы, сиу, пуэбло и кри. Все они не брезговали торговать живым товаром и охотно занимались похищениями с последующей перепродажей пленников на север, в США.

Так Селия оказалась в руках банды работорговцев. Её красота, ставшая причиной похищения, выступила поначалу некоторой защитой. За такую привлекательную девственницу можно было выручить намного больше, чем за порченный товар. Девушку переправили в Нью-Джерси, где её новыми хозяевами стали отец и сын Кросби. А вот в их поместье она попала в самый настоящий ад.

Чем больше я её слушал, тем больше жалел о том, что просто застрелил этих ублюдков. Они заслуживали намного худшей участи. И к собственному ужасу, я узнал, что достаточно много влиятельных и уважаемых членов американского общества водили с Кросби знакомство и регулярно гостили в поместье, со вполне очевидными целями. Я услышал такие фамилии, что волосы дыбом встали.

Бедняжку Селию ждала мучительная смерть, но, на её счастье, в поместье появился я. Да, я стал преступником и, наверное, изгоем, но ни капли об этом не пожалел.

Сыновья Тома и Дукаса закончили с кизельгуром, в трюмах шхуны теперь лежало больше трёхсот килограмм этого минерала, и мы, пополнив запасы воды, взяли курс на восточное побережье Флориды. Там, в городке Сент-Августин, я решил обустроить свою временную базу, провести эксперименты с динамитом, продолжить мои медицинские изыскания и, самое главное, подготовиться к осуществлению одной очень многообещающей авантюры.

В Сент-Августин мы прибыли ранним утром тридцатого августа. Городок ещё спал, а на пристани, помимо заспанного местного чиновника, нас ожидали двое.

– Эй, Стефан, лови конец! – закричал Дукас одному из них и кинул канат. Тот сделал неловкое движение, и верёвка упала в воду.

И тут я услышал то, что заставило меня широко улыбнуться.

– *Стёпка, ехиднин сын, едрить тебя через коромысло! У тебя что, руки дерьмом намазаны? Канат уронил, растяпа!* – и многое, многое, многое.

Второй человек Дукаса заворачивал такие конструкции, что его национальная принадлежность не оставляла сомнений. Когда мы пристали к берегу, я подошёл к нему и спросил:

– *Братец, ты что, русский?*

Глава 4

Ох и помотала жизнь простого вологодского мужика Савелия Прохорова! Двенадцать лет назад жребий пал на него, и попал Савелий по рекрутскому набору из своей северной деревеньки на жаркий юг империи, в пехотный полк на Азово-Моздокской укрепленной линии.

Служил честно, пулям не кланялся, но и вперед не лез.

– Самое безопасное место оно же где? В серединке. И от командирского батога далеко, и черкесский кинжал неблизко, – часто говаривал он своим однополчанам.

К тому же жук он оказался преизрядный. Нет-нет да и получалось, что и табачку у Савелия в кисете было побольше, и каша в котелке понаваристей, чем у товарищей. Трофеями он разживался иногда такими, что в пору не то что унтеру, а даже и офицерам.

Но никогда и никто не мог его ни в чём обвинить: с товарищами делился исправно, воровать не воровал. Водку пил – а кто её не пьёт? Но не больше, чем другие. Просто был он весь такой, оборотистый.

Обнаружилась, правда, и у него слабина, и нашёл он через эту слабину приключения. А именно, женщины. Охоч он был до баб, уж вы меня простите, до чрезвычайности. Вот буквально ни одной юбки не пропускал.

И как-то раз приглянулась ему одна казачка, ладная такая, всё при ней. К тому же вдова, что важно. Савелий мужчина был с понятиями, на чужих жёнок рот не разевал и незамужних девок не портил.

Но оказались у этой вдовушки два братца, с которыми у Савелия сразу не сложилось. Сватали они её к своему товарищу, и какой-то мутный солдатик был им совершенно без надобности.

Слово за слово, и был Савелий бит. А потом, так как вторым его достоинством являлось упорство, ещё раз. На третий раз, видя, что этот мужик никак не уймётся, решили казаки его проучить. Обухом по голове – и вывезли бесчувственного Савелия в степь, мол, очнётся тут один, глядишь и поумнеет.

Очнуться-то он очнулся, но не сам, а оттого, что полили на него сверху водичкой самые настоящие черкесы. Резать его не стали, какой с мёртвого толк, а взяли и продали его. Да не куда-нибудь, а в туретчину.

И сменил Савелий ружьё солдатское на весло турецкое. На шебеки его султанского величества, чтоб всё у него отсохло и весь его гарем стал ему без надобности, всегда требовались гребцы. А Савелий, хоть и не отличался богатырским телосложением, но выносливости имел просто немерено.

Если бы гребцов выпускали с шебеки, то Савелий мог бы сказать, что он попутешествовал по Средиземноморью: Турция, Египет, Палестина, Ливия и Алжир. Много где побывал он, да ничего и не видел. Гребная палуба она же везде одинаковая, не важно, где корабль стоит. Хоть в столице Блистательной Порты, хоть в зачуханной палестинской бухте, хоть в пиратском Алжире.

Там, в Алжире, посадили на скамью рядом с Савелием изнемождённого человека и сказали – гребь, мол, кяфир, за двоих. За себя и за эту пададь.

Хотел было Савелий возмутиться, но увидел крест православный, на груди у этого человека выжженный. Открыл рот и промолчал. Хоть и плохеньким он был православным, но всё же был.

Человек тот не умер и на второй день даже стал грести по мере сил. Так обрёл Савелий друга верного. Серба Стефана Милковича.

Был Стефан, как и Савелий, человек служивый. Службу нёс у самого кесаря австрийского в уланах венгерских. Попал он в плен к туркам и через свой буйный нрав очутился на скамье рядом с Савелием.

Так и пропали две души православные в плену басурманском, да не то готовил для них Господь. Натолкнулась шебека рядом с Марбельей на судно торговое, королю Испании принадлежавшее, да и загорелись глаза у капитана шебеки. Только оказалось то судно непростое. Ловушкой для пиратов оно оказалось.

Едва только турки пристали к нему, как трюм открылся, и посыпались из него на палубу солдаты испанские, и загорелся бой. Солдаты из испанцев, конечно, не самые лучшие, а турки и того хуже. Перебили их испанцы, а невольников освободили.

Оказались Савелий со Стефаном в славном городе Кадис. До России-матушки далеко, жить как-то надо, и завербовались оба в матросы, на судно торговое, в Новый Свет уходившее. Так и оказались они сначала на Кубе, а потом и во Флориде испанской. А вот во Флориде улыбнулась друзьям удача. Встретились они с греком Дукасом и стали уже у него матросами.

Хозяином он был щедрым, опять же православный, да и в Сент-Августине флоридском колония греческая большая оказалась, даже с церковью и священником. А то, что Дукас контрабандой зарабатывал, так кто не без греха?

* * *

– Да, братец, помотало тебя по свету, ничего не скажешь, – покачал я головой, когда Савелий рассказал мне свою историю. Разговор шёл на русском, и Барри порядочно удивился – мой верный камердинер никак не ожидал, что его хозяин ещё и русским владеет. Ну ничего, дружок, у тебя впереди ещё множество удивлений.

В письме к Дукасу я написал ему, что мне требуется достаточно большой дом за городом, обязательно с несколькими хозяйственными постройками. Как это ни странно, он не нашёл нужного мне строения, поэтому поступил необычно. Ушлый грек купил на своё имя большой участок к западу от города и построил там всё необходимое, включая два домика для прислуги, – один для семьи Барри, второй для Тома. Что ж, так даже лучше, получилось чуть дороже, но зато с гарантией.

Господский дом я разделил на две части. В одной разместились я и Селия, девушка медленно шла на поправку, но была ещё слишком слаба. Вторую приспособили под «школу» – я собирался стать видной фигурой в этом мире, и мне требовались грамотные помощники. В этой школе я продолжил обучать Барри-младшего, дочку Тома и с десятков греческих подростков, посмышлёнее.

В это время подростки трудились наравне со взрослыми, поэтому моя школа не имела аналогов в мире. Я стал платить родителям моих учеников за то, что учил их детей. Естественно, под гарантии того, что потом они будут работать на меня. Деньги я платил не очень большие, но всё-таки пятьдесят долларов в месяц я на стипендии ученикам тратил. И для подростков, и для их родителей всё это оказалось бешеной мотивацией, и знания ребята просто проглатывали.

В больших сараях разместились мастерские: стеклодувная, портняжная и плотницкая. Чуть дальше, на отшибе, мы поставили кузницу. Работать там стали соплеменники Дукаса.

Кроме того, ещё в трёх сараях поменьше будут лаборатории: медицинская, оружейная и резиновая. До появления первых резиновых плащей, знаменитых макинтошей, ещё больше двадцати лет, а значит, у меня есть отличный шанс заработать много денег.

Тем более я знаю узкие места каучука. На жаре он становится липким, а на морозе твёрдым. В той истории, что я знаю, эта проблема будет решена в 1839 году, когда американский

химик Чарльз Гуддир откроет процесс вулканизации. Простите, Чарльз, не будет у вас приоритета в этом, мне очень нужны деньги, да и резиновые изделия мне тоже нужны.

Резина стала моим приоритетным проектом, и уже десятого сентября я достиг удовлетворительного результата – пропитав резиной плащ, получил первый в мире непромокаемый, всепогодный дождевик. Перспективы у этого товара огромные, так что вместо макинтошей мир, вероятно, узнает флоридские плащи.

Помимо одежды, моя резиновая лаборатория начала изготавливать ещё целый спектр изделий: жгуты, колёса, обитые резиной, ласты и плавательные маски. Они поначалу не получались, Том долго не мог получить стекло нужной прозрачности – что-то у него не заладилось с местным песком, но он эту проблему решил.

Как-то сам собой в Сент-Августине у меня образовался целый производственный центр, что немного скорректировало мои планы. Изначально-то я хотел обосноваться на Кубе. Впрочем, подумав, я решил, что так даже лучше. Пусть у меня будет два «центра влияния». Так сказать, «диверсифицируем» риски.

Первого октября Дукас ушёл с грузом дождевиков на Кубу. Как раз приближался сезон дождей, и я рассчитывал на хорошую прибыль. Маски для плавания я пока решил попридержать. В то место, где я собирался сорвать большой куш, люди, конечно, почти не заглядывают, но лучше перестраховаться. Вернуться ушлый грек должен через месяц, есть у него, помимо моих, ещё и собственные дела на Кубе. Ром и сигары сами себя не купят.

За всеми этими делами я и не заметил, что буквально погряз в рутине. На медицинские и оружейные эксперименты банально стало не хватать времени, поэтому я волевым усилием разделил ответственность между моими людьми.

Барри стал отвечать за организационную часть, Том за производственную. Ещё чуть-чуть подумав, я скинул часть нагрузки в школе на Барри-младшего и Розу. Они уже поднаторели в науках и вполне могли меня кое-где заменить.

Освободившееся время я потратил на динамит и медицину. Нитроглицерин я получил достаточно быстро, а вот с пропиткой им кизельгура возникли сложности. Никак не получалось добиться стабильности, одно и то же количество взрывчатки поначалу взрывалось по-разному.

Это было очень странно и опасно, поэтому я стал разбираться и начал с самого простого. С ревизии используемого оборудования. Собственно, на этом я и закончил. Проблема оказалась элементарной, а именно – в погрешности весов. Когда я стал её учитывать, всё получилось, взрывчатка стала стабильной.

В медицинских исследованиях я тоже очень сильно продвинулся. На самом деле всё, что я собирался внедрить, было достаточно просто, никакой промышленной революции мне не требовалось.

Кетгут – хирургические нитки для швов из коровьих кишок – известен ещё с античности, вся проблема с ним заключалась в отсутствии стерильности и вследствие этого в заражении ран. Но у меня уже получились неплохие резиновые прокладки, а значит что? Правильно, я собрал примитивный, но работающий автоклав. Не с первого раза, конечно, но собрал. Это позволило стерилизовать шовный материал, а хранил я его в спирте.

Вторым шагом стал веселящий газ, или закись азота. Этот газ уже изобретён, и даже сделано предположение о его потенциальных анестезирующих свойствах для облегчения боли во время операции. Я точно знал, что это работает.

Ну и третьим шагом стал морфин – опиум продаётся свободно, так что с ним проблем вообще не возникло. Примитивные шприцы и иглы к ним Том сделал ещё в Нью-Джерси. Во Флориде они были дополнены резиновыми частями, получились уродливые, но эффективные изделия.

Всё это привело к тому, что скромное поместье во Флориде стало наиболее продвинутым медицинским центром в мире. И я мог делать настоящие операции с хорошими шансами для больных.

Первого ноября произошло сразу два знаменательных события. Во-первых, с Кубы вернулся Дукас. За дождевики он выручил аж четыреста долларов, неплохо для партии из двух сотен штук. Что важнее, он заключил контракт на ещё две тысячи штук и даже получил за них аванс в тысячу долларов. Моё предприятие становилось очень выгодным.

Ну а во-вторых, я наконец снял шины со сломанных ног Селии, и девушка стала ходить – сначала со сделанными мной костылями, а ещё через неделю и без них. Вследствие этого в моей жизни наступили ещё кое-какие перемены.

* * *

– Прекрасно, Том, просто прекрасно, такими темпами мы изготовим эти дождевики раньше срока. Барри, знаешь что, съезди-ка ты завтра в город к грекам и поговори с их священником, как его, с отцом Михаилом, да.

– О чём, мистер Гамильтон?

– Нам будут нужны ещё люди. Как видишь, дела идут хорошо и нужно расширять производство.

– Я никак не пойму, сэр, почему у нас работают только греки? Ни одного испанца я тут не вижу.

– Понимаешь ли, друг мой, – я достал сигару из сигарного ящика, раскурил её и выпустил парочку колец, – греки, как и мы, тут чужие. Живут преимущественно своей общиной и с местными особо не общаются. Это мне выгодно, я совершенно не хочу, чтобы тут появились соглядатаи местных властей, а они тут появятся, стоит только нам начать брать на работу местных. Поэтому – только греки.

– Понятно, сэр. Возможно, вы и правы.

– Думаю, на сегодня мы закончили. До завтра, господа.

Барри и Том кивнули мне и вышли из кабинета. Я чуть-чуть ещё посидел, наслаждаясь сигарой с рюмкой хереса, затем потушил свечи и пошёл к себе в спальню. День выдался достаточно насыщенным, я порядком устал и лёг в кровать.

Во всем доме было темно. Внезапно я услышал, как дверь моей спальни открылась и кто-то зашёл, остановившись у входа.

– Кто там? – спросил я.

– Это я, Селия.

Чертыхнувшись про себя, я хотел зажечь свечи, но девушка не дала мне этого сделать. Она подошла к кровати и буквально впилась в мои губы поцелуем...

Так моя бывшая пациентка заняла очень важное место в моей жизни. Что характерно, каким-то образом о случившемся очень быстро узнали сначала Луиза и миссис О`Салливан, а затем и их мужья. Но никакого осуждения с их стороны не последовало, наоборот. Как будто так и нужно.

* * *

Получив динамит, я приступил ко второму этапу моего оружейного плана. Полые металлические ядра, купленные в Нью-Джерси, порядком запылились. Пришла пора стряхнуть с них пыль и заняться их начинкой. Результат превзошёл все ожидания – получившиеся бомбы обладали чудовищной по нынешним временам разрушительной силой. Всё-таки динамит это продукт современной эпохи, нежели чёрный порох.

С насыщением пороха парами нитроглицерина тоже всё получилось. Пару раз я, конечно, чуть было не взорвал и себя, и лабораторию, но всё обошлось, и мы приступили к испытанию орудий с новыми боеприпасами...

– Вот что, Савелий, дай-ка я сам. Моя задумка, и если пушка, не дай бог, рванёт, отвечать за это должен тоже я.

– Как прикажете, барин, – сказал Савелий и отошёл от заряженной новым порохом и новым ядром пушки.

Затея, на самом деле, опасная. Реальный прирост мощности взрывчатого вещества я же не знал, так, прикинул на пальцах. Выдержит ли пушка, тоже непонятно. По идее, должна, но кто знает, как она сделана. Попадётся внутренний изъян, типа полости, и привет. Для стрельбы с использованием пороха он не критичен, а моя смесь может пушку просто разорвать.

Так, хватит, отставить подобные мысли, всё хорошо будет. Фитиль я сделал длинный, авось и пронесёт. Глубокий вдох и вперёд.

Я поджёг фитиль, поднёс его к затравному отверстию пушки, отвернулся и закрыл уши руками. И всё равно звук был такой силы, что я оглох. Пушка выдержала – как сказали мне мои люди, она чуть ли не подпрыгнула и откатилась ну очень далеко.

Результат выстрела произвёл на всех очень большое впечатление. Мало того что дальность выстрела составила не милю, как при использовании обычного пороха, а почти две, так ещё и начинённое динамитом ядро взорвалось совершенно потрясающим образом.

Ещё одним неожиданным, но приятным бонусом стало то, что ствол орудия нужно будет банить намного меньше времени. Из-за большей мощности моего улучшенного пороха в стволе осталось намного меньше продуктов сгорания. Ствол банально был чище.

Ну что ж, всё получилось наилучшим образом. Орудия у меня есть, пиратов теперь можно не опасаться, маски и ласты готовы. Как только Дукас вернётся, можно будет отправляться ловить рыбку в мутной (на самом деле нет) воде.

Грек на своей шхуне опять ушёл на Кубу и снова на месяц. От этого рейса я ожидал хороших денег, четыре тысячи долларов с продажи дождевиков, и мой торговый агент повёз ещё одну новинку – резиновые сапоги, – думаю, что и на них будет спрос.

У меня же было ещё одно дело во Флориде. Пока наступила пауза в выполнении моих планов, можно потратить время с пользой и найти племя отца Селии. По её рассказам, их земли в центральной части Флориды. Это, конечно, опасно, но познакомиться с сородичами Оцеолы мне очень хотелось, это же практически мечта детства.

Решено, завтра я, в сопровождении десятка моих наиболее крепких людей, отправляюсь в путешествие. Селия и Гектор с Ахиллесом идут со мной – без девушки это в принципе бесполезная авантюра, а парням пришла пора попробовать себя в настоящем деле.

Глава 5

К племени, которым по-прежнему руководил Ахайя, мы вышли через три дня после того, как покинули поместье. Сначала дорога была лёгкой, но когда мы пересекли реку Сан-Хуан и углубились на дикие территории, начались приключения.

То, что путешествие будет нескучным, я понял ещё когда мы только вязали два больших плота, чтобы переправиться на западный берег реки. Такого количества аллигаторов я не ожидал, река ими просто кишела. Десятки и сотни этих рептилий были в воде и на западном берегу, с восточного их испанцы более-менее выгнали.

Здесь меня ждал неприятный сюрприз. Ну ладно Гектор с Ахиллесом, парни никогда не видели аллигаторов и боялись их, но местные греки! Как выяснилось, большинство членов их общины никогда не покидали города и вообще не представляли себе, что такое дикая Флорида.

По-хорошему, тут и надо было закончить вылазку. Лезть в болотистые джунгли с людьми, которые их в глаза не видали, это больше чем авантюра, – это самоубийство. Но неожиданно меня выручила Селия. Она уверенно опознала местность и чуть ли не клялась, что очень скоро проведёт нас к стойбищу племени её отца. Методы убеждения она применяла не вполне честные по отношению ко мне как к мужчине, но очень приятные. В общем, я согласился.

Пока пересекали реку, и греки, и сыновья Тома натерпелись страху, да и на меня, сказать по правде, эти милые рептилии произвели впечатление. Умом-то я понимал, что это не крокодилы, которые питаются крупными животными. Основной рацион аллигаторов это рыба, мелкие млекопитающие и птица. Взрослый человек для них слишком большая и тяжёлая добыча. Будь с нами ребёнок или, допустим, собака, то да, стоило бы за них опасаться. А на нас вряд ли нападут. Но одно дело умом понимать, а другое – видеть эти пасти, бр-р...

Дальше начались болота с их «приятными» обитателями в лице ядовитых лягушек и змей. Укусить никого не укусили, но пару раз случились острые ситуации. На наше счастье, Селия меня не обманула, и мы к вечеру оказались в деревеньке семинолов, которой и управлял отец девушки, Ахайя.

Сначала нас, конечно, заметили наблюдатели. Все мы перли по джунглям, не видя ничего вокруг себя, хотя нет, моя малышка заметила своих соплеменников, но промолчала. Как она потом сказала, сюрприз мне решила сделать. Ну-ну, никогда не любил сюрпризов, и за этот ей пришлось ответить, впрочем, нам обоим понравилось. Но это было сильно потом, а в тот момент, когда прямо перед нами возникли фигуры, похожие на леших, все изрядно перетрухнули. Хорошо хоть никто стрелять не стал, был бы номер.

Вёл этих воинов лично Ахайя. Увидев отца, Селия закричала от радости, прыгнула на него и повисла на шее. После этого я расслабился, пришли мы куда надо. Моя пассия что-то зашептала отцу, тот посмотрел на меня и на ломаном испанском сказал:

– Ты, который имя Алекхандро Гамильтон, ты подойди к моя! – В другое время и в другом месте то, как он говорил, могло показаться смешным, но сейчас никто даже не улыбнулся. Не важно, что он говорил, главное как!

В его словах чувствовалась сила настоящего вождя и настоящего человека. Мне сразу стало понятно, что он крепко стоит на своей земле и чувствует – не знает, а именно чувствует, – мир, в котором живёт. Я подошёл к Ахайе и сказал:

– Слушаю тебя, вождь! – Как-то так получилось, что я начал подстраиваться под манеру речи отца Селии.

– Я не хотеть говорить, сейчас я хотеть на ты смотреть, – и он действительно начал смотреть, долго и молча.

Минут пять мы играли в гляделки, а затем он повернулся к Селии и что-то ей сказал на своём языке.

– Отец говорит, что тебя он приглашает в нашу деревню, но только тебя. Остальных воины Ахайи проводят обратно к реке.

Честно сказать, я ожидал чего-то подобного и молча кивнул. Пятёрка воинов семинолов выступила из-за спины вождя. Высокий мускулистый индеец по-испански сказал моим людям следовать за ними, и вскоре процессия скрылась за деревьями.

Отец Селии повёл нас к деревне. Как рассказала мне моя индианка, племя её отца занимало достаточно большую территорию в центральной части Флориды и насчитывало больше трёх тысяч семей. Одно время Ахайя даже был верховным вождём всех семинолов, но сейчас уступил это место, оставшись, правда, одним из самых авторитетных лидеров. Селия ещё что-то мне говорила, но я слушал её вполуха. В голову мне пришла очень соблазнительная мысль.

Климат Флориды идеально подходил для выращивания гевеи, единственного источника натурального каучука. Сейчас моё производство работало на привозном бразильском сырье. Это влетало мне в копеечку, и поставки не отличались регулярностью.

А если привезти из Бразилии не каучук, а саму гевею? Ну а что? Местные болота не очень отличаются от амазонской сельвы, а коренные жители полуострова – от аборигенов Амазонии. Думаю, они вполне смогут работать на плантациях гевеи. Тем более что я собираюсь им платить. Чем и сколько, надо подумать, но это в любом случае будет выгоднее, чем возить сырьё морем.

Это, конечно, задел на будущее – гевея начинает плодоносить и давать сок только на седьмой год, но если не думать о будущем, то его и не будет.

Осталось только сделать самую малость, уболтать этого седого перца.

* * *

– Моя дочь говорила, что ты лекарь? – После целого дня, проведённого вместе с Ахайей, я уже не обращал внимание на то, как он говорит.

– Всё верно, вождь. Она права.

– Ты выглядишь сильным, почему ты не воин? Достойно ли молодому мужчине заниматься тем, чем занимаются старики?

Услышав это, я внутренне усмехнулся. Наверняка я старше отца моей полукровки, но сейчас этого не скажешь. Сейчас мне вообще не дашь сорок семь.

– Я не только лекарь. У себя на родине я был и воином, и вождём, – что характерно, это дважды правда. И в России двадцать первого века, и в США конца восемнадцатого я служил в армии. – Твоя дочь, наверное, не всё тебе рассказала обо мне, я был генералом, военным вождём по-вашему.

– Не считай нас глупыми дикарями, Александр Гамильтон, этим ты оскорбляешь сам себя. Я знаю, что такое генерал.

– Прости, вождь.

– Но если ты генерал, где же твои солдаты?

– Я оставил службу и решил уехать.

– Зачем ты выбрал жизнь изгнанника? Что человек без своего рода и племени? Ничего, даже меньше чем ничего, пыль.

– Я хочу основать своё племя.

– И моя дочь будет частью твоего племени?

Мы синхронно посмотрели на Селию. Она, одетая как семинолка, сидела в кругу других женщин и о чём-то с ними разговаривала.

– Если на то будет воля Всевышнего.

– Ты веришь в вашего белого Бога?

Интересные вопросы он задаёт, однако. Верю ли я? Ещё полгода назад я сказал бы, что нет. Но сейчас-то я здесь, в девятнадцатом веке. Как такое возможно? Божественное вмешательство – объяснение не хуже прочих.

– Да, верю.

– Хорошо. А теперь раздели это со мной, – а вот и классика, – трубка мира.

Мы с Ахайей сидели в окружении его воинов напротив большого костра. Вождю откуда-то сбоку протянули длинную костяную трубку, он глубоко затянулся и передал её мне. Втянув носом дым, я разобрал запах конопли, табака и ещё чего-то. Делать нечего, и я последовал примеру вождя...

* * *

– Мишель, Мишель, твою мать! Нас прижали, головы не поднять! Где там твой вертолёт? – В ответ моя гарнитура выплюнула мне в ухо очередную порцию помех.

Да, положение просто аховое. Чёрт бы побрал и этот проклятый Мозамбик, и местных сепаратистов, и группу французских инженеров, которые по контракту с местным правительством что-то там восстанавливали на северо-западе страны. Или электростанцию, или комплекс очистных сооружений, не помню.

Ковырялись они себе спокойно в своих железках под охраной Иностранного Легиона и вяпались. Очередной «фронт освобождения», а на самом деле обычные бандиты, перебили охрану и взяли группу иностранных специалистов в заложники.

Уж не знаю как, но французы договорились с нашими обладателями больших звёзд и полномочий. Те, в свою очередь, послали группу официально не существующих туристов с одинаковыми причёсками отбивать этих заложников.

Я попал в эту группу в качестве переводчика, так как только я худо-бедно говорил по-французски.

Сначала всё шло как по маслу. Французы отследили, мы зашли, кого надо ликвидировали, кого надо освободили и стали ждать вертолеты, которые нам любезно обещали предоставить наши «партнёры». Только вместо вертолётов дождались несколько сотен очень озлобленных «борцов за свободу», с которыми вот уже второй час ведём бой.

А вот и сам Мишель, трясётся как осиновый лист, я буквально чувствую запах его страха.

– Простите, месье, – тут никто не знает ни наших званий, ни имён-фамилий, даже вымышленных, – вертолётов не будет.

«А вот это, похоже, всё, приплыли, б...» – Вслух я, конечно, сказал совсем другое:

– Ясно, значит, будем прорываться, надо только с папой перетереть. Папа, – так мы называли командира группы, полковника Андрианова, – лягушатник говорит, что вертушек не будет.

– П...ы б...ь французские, ясно. Будь с ними и переводы. И скажи им, чтоб не бздели, вытащим мы их жопы отсюда.

Полковник слов на ветер не бросал, мы действительно и сами прорвались, и французов вытащили. И всё бы ничего, но какая-то скотина меня подстрелила, когда мы уже, считай, выскочили. Так, собственно, и закончилась моя служба...

* * *

Открываю глаза, темно. Нет ни африканских джунглей, ни орущих французов рядом, ни полуголых чернокожих с автоматами. Ничего.

Зато есть покрывало, мягкое, – видимо, меховое. Дорогая, должно быть, штука. Под этим покрывалом лежу я, и меня нежно обнимает девушка – судя по ощущениям, обнажённая.

Рывком сажусь. Глаза приспособились к темноте, оглядываюсь и тут вспоминаю, где я и что я. Селия, лежащая рядом со мной, сквозь сон пытается рукой вернуть меня на место. Заманчиво, конечно, но мне срочно надо выгулять организм и пообщаться с её папашей. Обсудить с ним вопрос о том, что неправильно травить гостей всякой наркотической гадостью.

Ага, на дворе глубокая ночь, вон как звезды ярко сияют, что ж, отложим разговор на завтра.

Едва я это подумал, как передо мной возник Ахайя собственной персоной, опять с трубкой, только на сей раз, судя по запаху, с обычным табаком.

– Иди за мной, – коротко говорит он мне.

Мы молча выходим из его деревни и идём куда-то. Через минут пять вождь приводит меня к небольшому озерку, возле которого мы и садимся друг напротив друга.

– Кто ты такой? – Интересный вопрос, он вроде бы знает кто. От меня не убудет, и я отвечаю.

– Александр Гамильтон, генерал армии США и человек, спасший твою дочь.

– Я сейчас говорю не с Александром Гамильтоном. Я говорю с тем, кто внутри него. Кто ты такой?

Глава 6

В общем, он меня элементарно вычислил, я обкурился этой гадостью и стал бредить. Тот эпизод с моим ранением в Мозамбике мне часто снился, и я не удивлён, что это произошло в очередной раз. Удивительно то, что говорил я во сне по-французски. Вот уж никогда не подумал бы.

Как назло, Ахайя не только вождь, он ещё и говорящий с духами, что-то вроде шамана. И надо ж такому случиться, что французский он тоже понимает.

По его словам, он сразу понял, что перед ним дух в теле человека, и захотел пообщаться. Ему это удалось, правда, теперь он не знает, что с этим делать...

Вот уж крутой мужик, практически железный! Узнал, что я из будущего, и даже и ухом не повёл. Да любой другой на его месте из меня бы всю душу вытряс, лишь бы только узнать, что будет.

А этому хоть бы хны. Сидит, курит, на воду смотрит.

– Селия не будет с тобой всю жизнь.

Интересный поворот.

– Почему?

– Вы разные, тебя ждёт совсем другое, нежели её. Я вижу, что совсем скоро она будет рядом с тобой, но не с тобой. И ты будешь не с ней.

Что за белиберда? Видимо, в трубке всё-таки не только табак.

– Не знаю, что потом, но сейчас я рад, что она со мной.

– Видишь, ты не сказал, что любишь её. Значит, я прав.

На это я не нашёлся, что ответить, и перевёл разговор на другую тему, а именно о гевее.

* * *

Я не уверен, что Ахайя правильно понял, зачем мне какие-то деревья, но обещал помочь. Не за просто так, конечно, его племени много что нужно, но всё равно получается намного дешевле. Осталось дело за малым, отправить Дукаса в Бразилию.

Правда, для этого ему нужно обновить, так сказать, материальную часть. Его шхуна хороша только для плавания здесь, по месту.

Мы с Селией провели в деревне её отца четыре дня, и уже перед самым нашим отбытием меня посвятили в члены племени. Теперь я «почётный семинол» Белый Дух, так меня назвал Ахайя. В качестве подарка я оставил ему своё новенькое ружьё, он отдалился целой кипой аллигаторовых шкур. Не знаю, зачем они мне, но что-нибудь придумаю.

С такими проводниками мы шли очень быстро и потратили на дорогу до Сент-Августина на полтора дня меньше. В поместье меня ждали новости: Дукас вернулся с хорошей прибылью, новыми заказами и в сопровождении одного странного персонажа.

Нашего гостя звали Пабло Диего Сиприано де Ремедиос. Был он испанец и был он торгош. Притом не просто торгош, а торгош прирождённый. Его длинный нос чуял запах денег буквально за милю. Как и Дукас, занимался он зачастую делами не совсем законными, но связи позволяли ему избегать неприятностей.

Тесть сеньора де Ремедиоса служил капитаном порта Гаваны и регулярно делился со своим зятем интересной, с его точки зрения, информацией. Дукас с его странным грузом не мог не заинтересовать эту уважаемую семью, и Пабло Диего навестил моего грека на его яхте, когда тот уже собирался отдавать концы.

Не знаю, чем Пабло Диего приворожил прожжённого греческого контрабандиста, но тот согласился доставить испанца ко мне. Хорошо хоть не в поместье его привёз, а оставил дожидаться в гостинице при порте.

Высказав Дукасу всё, что я думаю о ненужных инициативах, я всё же согласился встретиться с этим гостем с будущего Острова свободы.

– Сеньор Пабло Диего Сиприано де Ремедиос? – вежливо поинтересовался я. Кого-то он мне неуловимо напоминал. Чуть подумав, я понял. Это ж почти Сальвадор Дали. Такие же нос и усы.

– Да, это я. А вы, надо понимать, сеньор, вернее мистер Гамильтон?

– Да, чем могу помочь?

– Меня весьма заинтересовали ваши новые водонепроницаемые плащи. Очень многообещающий товар, очень-очень.

– Спасибо, я знаю. Так в чём же дело? Дайте Дукасу заказ, он привезёт столько, сколько нужно.

– Вы меня не так поняли, – засмеявшись, сказал де Ремедиос, – я не хочу покупать, я хочу продавать!

– Вот оно что! И как вы себе это представляете?

– Партнёрство, уважаемый мистер Гамильтон. Так понимаю, вы нашли способ... Хотя нет, вы наняли людей, которые для вас нашли способ как-то обработать каучук, и он стал намного удобнее в использовании. Я не претендую на ваши секреты, мне это не интересно. Мне намного интереснее вложить деньги в ваше дело и существенно его расширить. Я навёл справки и выяснил, что спрос на ваш товар намного превышает предложение, вы банально не справляетесь с заказами. Какую-то жалкую тысячу плащей вы изготавливали месяц, и ваш Дукас просто не взял заказы на ещё четыре тысячи. Перед вами на земле лежат деньги, а вы их не поднимаете!

– А вы, конечно, сможете мне помочь?

– Да, да и ещё раз да! Вы же были министром финансов в бывших тринадцати колониях. Не нужно вам объяснять, что чем больше вложения на старте, тем больше вы получите прибыли.

Ай да Пабло! Ай да сукин сын! Видно, что хорошо подготовился и чешет как по написанному.

Хотя на самом деле он прав, всё так и есть. Я действительно теряю деньги – вернее, не зарабатываю, – и мне действительно нужны инвестиции. Только я не собираюсь привлекать их на стороне. Ни в какой форме: ни банковские займы, ни акционерное общество меня не интересуют. О, а вот и оно! Этот испанский соловей об этом и говорит.

– ...и в результате мы сможем даже торговать акциями нашего предприятия на бирже. Эта война с Наполеоном не вечна, монархи договорятся, и нам будет открыт рынок не только Нового света, но и Европы, а пока именно там все деньги мира.

Ладно, господин делец, поёшь ты складно, но я не люблю этот жанр.

– Спасибо, сеньор де Ремедиос, но меня это не интересует, – видя, как вытянулось его лицо, я чуть не засмеялся. – Вы, безусловно, правы, но думаю, я справлюсь со всем этим без вас. Хотя подождите, дайте мне минуту.

Чего это я, в самом деле? Бог с ним, с этим Ремедиосом, но Дукас сказал, что у него тесть – капитан гаванского порта. С такими людьми нельзя ссориться, а отказать его зятю – значит оскорбить. Решено, буду с ними работать. Но на моих условиях.

– Да, прошу меня извинить. Неразумно отказывать вам, давайте работать.

– Приятно слышать, мистер Гамильтон, рад, что голос разума в вас возобладал. С чего начнём?

– Ваше предложение всё-таки сюрприз для меня, поэтому давайте поступим так: приезжайте ко мне послезавтра в поместье. Это на западной дороге, миль пять от города, не больше.

– Не хотите показывать секреты? – улыбнулся он.

– Ну вы же сами сказали, что они вас не интересуют, – парировал я, – и да, не хочу.

– Я вас понимаю. Послезавтра так послезавтра.

– Вот и хорошо, значит, договорились.

Вот уж не было печали, удружил мне Дукас. Хотя, скорее всего, он мне действительно удружил. Так и так хотел расширяться, а тут возможность сама прыгнула ко мне в руки. Так, раз уж я в городе, надо зайти в греческий квартал, посмотрю, как живут и как тратят деньги мои работники.

Что сказать? Хорошо тратят, чисто у них и как-то более уютно, чем у испанцев. Занавески синие, пахнет вкусно, ляпота! Ну, посмотрел и хватит, надо ехать в поместье.

Однако мне это не удалось. Только я собрался вернуться к таверне, где на коновязи оставил лошадь, как дорогу мне перегородил настоятель местной православной церкви – единственной на всю Флориду, кстати. По-моему, отец Михаил.

– Уже и сюда явился, ирод!

Нормально лицо духовного сана общается с мирянами, к тому же не принадлежащими к его конфессии!

– Простите, святой отец, а почему это я ирод?

– А как тебя ещё назвать-то, если ты добрых людей от церкви отвращаешь?

– Секундочку, вы мне тут пропаганду воинствующего атеизма и оскорбление чувств верующих не шейте! – Застал он меня врасплох своим заявлением, я даже от волнения начал выражаться современным мне языком. Конечно, священник ничего не понял. Видя его непонимание, я поправился: – Никого я не отвращаю, что за глупости!

– Отвращаешь, отвращаешь. Многие уже и забыли, когда на исповеди были, а ребятишки совсем воскресную школу забросили. А я не только их отец духовный, но и учитель. Учю я их, понимаешь ты это?

– Я их тоже учю.

– Чему ты их учишь, бестолочь?

– Как чему? Математике, физике, медицине, да много чему.

– А разве это главное? – Что-то я его совсем не понимаю, разговаривает со мной как с дитём несмышлёным.

– Конечно. Они выучатся, профессию получают, работу хорошую найдут. Не рыбаками голозадыми станут.

– Дурак ты, как есть дурак. Вроде и умный, а все равно дурак, самых простых вещей не понимаешь. Не это главное, и главному ты их не учишь.

– И чему же я такому главному их не учу?

– Как людьми быть. Вот чему.

– И как же мне их этому научить?

– А никак, не сможешь ты этого. Да и не должен. Моя это работа.

Однако, интересное заявление, как-то гордыней попахивает. К чему он вообще клонит?

– Почему это?

– А потому, что вера должна быть у человека! Сначала она, а потом уже все твои физики и математики, – ясно, вот он про что.

– Значит так, святой отец. Со взрослыми сами разбирайтесь без меня. А насчёт детей я вот что вам предложу. Какая разница, где вы с ними будете заниматься. Приезжайте ко мне в поместье и проводите свои занятия, вам выгода будет. Такого количества учеников у вас и не было никогда.

Так, неожиданно-негаданно в программу моей школы был включён ещё один предмет, закон божий в греческой интерпретации. Отец Михаил, кстати, оказался достаточно ценным кадром. Видя, что дети действительно делом занимаются, он стал ещё и латынь преподавать, за что ему большое человеческое спасибо.

* * *

– Вот, собственно, и всё, что я хотел вам показать, сеньор де Ремедиос.

К визиту моего потенциального делового партнёра мы подготовились как следует. Оружейная мастерская была закрыта, пушки, обычно просто стоящие под навесом, убраны. Медицинская лаборатория тоже стояла опечатанной. Склад химических веществ мы основательно перетряхнули и убрали всё, что могло навести гостя хоть на какие-то мысли по поводу того, как мы работаем с каучуком. Сам процесс изготовления продукции я показал настолько системно и кратко, что хоть что-то понять он просто не мог.

Складу готовых изделий и демонстрации возможностей товара мы, наоборот, посвятили очень много времени.

Де Ремедиос был поражён. Де Ремедиос был впечатлён. Де Ремедиос был готов действовать!

– Знаете, мистер Гамильтон, я даже не представлял всех перспектив этой вашей, как вы её называете, резины. Но есть у меня сомнения насчёт поставок. Как только ваш товар дойдёт до Бразилии, а он дойдёт, португальцы моментально поймут, что за сырьё вы используете. И даже если ваш секрет не будет раскрыт, вам банально взвинтят цены и предложат поделиться тайной. И вы поделитесь, деваться будет некуда.

– К сожалению, вы правы. Но я уже приступил к решению этой задачи. – Мы сидели на террасе моего дома и чинно пили отменный херес с бисквитами, которые с утра любезно испекла миссис О`Салливан.

– Как, позвольте спросить?

– Я просто куплю корабль и доставлю гевею из Бразилии. Шхуна Дукаса совершенно не подходит для этих целей, нужно что-то поновее и побольше. К тому же объёмы возрастут, потребуются трюмы повместительнее.

Я умолчал о ещё одной причине, по которой мне нужен новый корабль. Совсем скоро старую посудину моего грека-контрабандиста очень специфически переоборудуют, что полностью исключит её использование по прежнему назначению, но об этом де Ремедиосу знать не нужно, и вообще это секрет.

– Смело, но да, это выход. Уже присмотрели что-то? Имейте в виду, сейчас корабли дороже.

– Потому что Наполеон?

– Совершенно верно.

– Да, присмотрел.

– Позвольте поинтересоваться, если не секрет.

– Не секрет. Тридцатипушечный фрегат мне обойдётся в четыре с половиной тысячи долларов. Это без вооружения, конечно.

– Да, вы правы, приблизительно так он и стоит. Раз уж мы партнёры, могу взять вопрос покупки на себя и сразу войти в долю, пятьдесят на пятьдесят. Что скажете?

– Почему нет, идея хорошая. Но учтите, мы с вами партнёры только в этом. Я не буду лезть в остальные ваши дела, а вы в мои. Договорились?

Чёрт, лучше бы я этого не говорил, ишь как глазки у сеньора – так и подмывает сказать помидора – забегали. Хочется ему узнать, что я имею в виду, ах как хочется.

– Договорились, мистер Гамильтон. Завтра я возвращаюсь на Кубу. Вы говорили про какой-то конкретный корабль или вообще?

– Вообще.

– Отлично, в Гаване прекрасная верфь, с нуля строить ничего не будем, но там сейчас достраивается пара подходящих нам фрегатов. У владельца одного из них, я знаю его лично, финансовые проблемы. Уверен, он с радостью нам его уступит. Командой тоже займусь я. Думаю, уже через месяц-полтора наш корабль выйдет в море.

Закончив экскурсию и отобедав, мы с де Ремедиосом поехали в Сент-Августин. Там в нотариальной конторе мы, в присутствии положенного количества свидетелей, подписали договор, по которому прибыль будет делиться пропорционально вложениям, при этом управление компанией остаётся за мной. Фактически я не терял контроль и получал инвестиции, идеально.

Уже вечером мой новый партнёр уплыл с попутным кораблём на Кубу, а я вернулся в поместье. За всеми этими индейскими и резиновыми делами я как-то подзапустил главный проект, ради которого я, собственно, и оказался во Флориде.

* * *

– Давай, Том, показывай, что у тебя получилось.

– Вот смотрите, мистер Гамильтон, всё очень хорошо.

А действительно хорошо, носовая оконечность моей будущей подводной лодки начала приобретать желаемые мне очертания. Да, я строю такую полезную в хозяйстве вещь как подводная лодка.

Конечно, это пока ужасный примитив, чего стоит хотя бы педальный привод на гребной винт. Изначально я хотел, вспомнив модельки кораблей, которые делал в детстве, поставить резиномотор, благо резину-то мы уже делаем.

Но после серии экспериментов от этой идеи пришлось отказаться. Не то качество материалов, чтобы резиномотор работал нормально. Поэтому – педальный привод, экипаж будет долго и упорно крутить педали.

С деталями для этого привода тоже пришлось повозиться: шестерёнки, цепи, рычаги... В нынешнее время изготовить подобное – это, считай, ювелирная работа. Поэтому едва мне в голову пришла эта идея, а пришла она мне ещё в Нью-Джерси, я решил доверить изготовление привода профессионалам. Благо в Новой Англии уже достаточно высокая культура производства.

В общем, я сделал заказ нескольким мастерским от Бостона до Нью-Йорка, и они мне всё сделали. Я специально не размещал заказ в одном месте, чтобы никто не догадался, что к чему. А так, поди угадай, для чего та или иная хреновина. Существовал, конечно, определённый риск, что детали не подойдут, но пронесло. Готовый привод я привёз с собой, а вот всё остальное пришлось изготавливать на месте.

По моим планам, корпус лодки должен быть деревянным с металлическим и стеклянным носом. Погружаться я планирую неглубоко, так что лодка не должна будет выдерживать прям очень большое давление – чтобы её не раздавило, достаточно будет поперечных балок.

Я запланировал два отсека, отделённых друг от друга герметичными дверями, благо резина моего изготовления замечательно подходила для гидроизоляции. Два отсека нужны потому, что в носу лодки будет устроен открывающийся шлюз, чтобы один из членов экипажа мог выходить наружу.

Вообще, резина в этом проекте играла ключевую роль. Без неё ничего бы не получилось, ведь лодка будет соединена со шхуной Дукаса не только цепью на лебёдке, при необходимости с её помощью лодку быстро подтащат к кораблю. Но и двумя шлангами с ручными насосами, они

будут обеспечивать циркуляцию воздуха в лодке и экипаж не отравится. Да, радиус действия будет небольшой, но мне многого не нужно.

Собственно, я и хотел переоборудовать шхуну Дюкаса в носителя подводной лодки. При том спуск на воду лодки предполагался внутри шхуны. Мне совершенно не нужны посторонние глаза в том деле, которое я замыслил.

Глава 7

– Ну всё, мы пошли, – сказал я и задраил люк.

Внутри моя лодка выглядела очень странно. Чего стоило хотя бы свечное освещение. Свечи стояли в длинных стеклянных колбах, открытых сверху. Более глупой идеи для освещения замкнутого, герметичного пространства и представить сложно, но у нас было вот так. При условии принудительной вентиляции лодки это будет работать.

– Янис, по счету три. Раз, два, три! – Мы с сыном Дукаса одновременно открыли два вентиля по бортам лодки, и в балластные цистерны начала поступать вода. Мы с молодым греком переглянулись, погружение началось. Рядом с вентиляем я закрепил примитивный, но работающий капиллярный глубиномер, моя отдельная головная боль. Без определения глубины погружения затея с подводной лодкой просто опасна.

Когда прибор показал пятьдесят ярдов, я скомандовал Янису, и мы перекрыли вентиля. Теперь нам нужно проплыть около кабельтова. Усевшись в кресла, перед которыми были закреплены педали привода, мы с энтузиазмом принялись их крутить.

Едва лодка вышла из-под корпуса переоборудованной шхуны Дукаса, как надобность в свечах отпала. Стояло солнечное флоридское утро второго января тысяча восемьсот пятого года, и остеклённые нос и верхняя часть кормы лодки давали достаточное количество света.

Вчера мы, после недельного плавания, подошли к архипелагу Кей-Вест, самой южной точке будущего штата Флорида. Здесь больше ста пятидесяти лет назад затонуло несколько испанских золотых галеонов, именно их сокровища и являлись настоящей целью моего приключения во Флориду.

Последний раз я был в этом месте за неделю до переноса души, мы с моей сербской подружкой здорово провели здесь время, наплавались назагорались и побывали на занимательной морской экскурсии. Это помимо других, более интересных развлечений.

На экскурсии нам показали место крушения корабля, с которого в восьмидесятых годах двадцатого века подняли несколько сундуков сокровищ, общей стоимостью несколько сотен миллионов долларов. Я тогда даже нырнул с аквалангом и посмотрел, что к чему, на месте. Поначалу ничего интересного, кроме заросших водорослями обломков и парочки старинных пушек, я не увидел. Но затем чуть в стороне нашёл на дне слиток из трёх серебряных песочеканки 1600 года. Это в 2015 году было огромной удачей.

И вот, спустя пять месяцев и отмотав календарь на двести с лишним лет назад, я снова здесь, увлеченно кручу педали в подводной лодке, место которой скорее в каком-нибудь стимпанковском аниме, а не в реальном мире.

А ничего тут, красиво. Рыбки яркие, кораллы, морские звезды и прочая живность. Лодка шла вдоль дна, до которого оставался примерно ярд. Вчера, встав на якорь, мы первым делом промеряли глубину, получилось девятнадцать ярдов, а погрузились мы на восемнадцать. Будем надеяться, что дно на нашем маршруте не будет подниматься слишком уж резко.

Сейчас на шхуне Савелий, Стефан и Гектор с Ахиллесом не покладая рук работали с насосами, обеспечивая постоянную циркуляцию воздуха в лодке. Он, воздух, поступал и откачивался с помощью двух резиновых шлангов, которые тянулись от лодки к кораблю, словно пуповина. Достаточно верное сравнение – если что-то случится с этими шлангами, то мы просто умрём.

Вернее, не умрём, конечно, наденем маски и ласты, откроем люк и просто всплывём на поверхность, но вот лодка погибнет. Впрочем, этого не произойдёт, постучим по дереву, благо его тут много.

И вот мы на месте. Сквозь ячеистый остеклённый нос лодки виднелись обломки галеона, теперь начиналось самое важное. У нас всего три часа на поиск сокровищ. На шхуне должны

видеть, что толстенный канат, соединяющий лодку с кораблём, прекратил разматываться, значит, мы на месте. Дукас и сотоварищи подождут три часа и начнут подтаскивать лодку обратно. Без них мы сами не вернёмся, лодка будет лежать на грунте из-за принятой забортной воды.

Янис взял инструменты, надел маску и ласты. Маска соединялась дыхательным шлангом с лодкой и имела трубку для выхода углекислого газа, этакий облегчённый вариант водолазного снаряжения.

Затем он перешёл в нос лодки, а я закрыл за ним герметичный шлюз. Когда створки с резиновыми прокладками плотно сомкнутся, он должен будет открыть нос лодки – створки раскрываются в обе стороны – и приступить к поиску. На случай если там будут тяжёлые предметы типа сундуков, у меня имелась ручная лебёдка. Лодка встала на грунт, значит, Янис открыл отсек.

Потянулись томительные минуты ожидания. Пару раз Янис подавал мне сигнал, и я что-то затаскивал в лодку. Наконец, когда до конца отпущенных нам часов оставалось всего пять минут, он забарабанил по переборке, давая сигнал, что всё в порядке. Я облегчённо выдохнул и взялся за насос – всю дорогу обратно я буду очень нудно откачивать воду из носового отсека, Янис займётся тем же самым. Лодка вздрогнула, и мы отправились в обратный путь.

Дорога до шхуны заняла вдвое больше времени, чем до места крушения галеона, нас притащили обратно в районе трёх часов по полудню. Конечно, мы не откачали воду из носового отсека до конца, это и не планировалось – у нас была предусмотрена откачка воды командой шхуны через хитрую систему шлангов. И ещё через полчаса я смог, наконец, открыть шлюз и впустить мокрого, но довольного собой Яниса обратно. А ещё через двадцать минут лодка всплыла внутри корпуса шхуны.

Общими усилиями мы подняли лодку на борт и достали добытое. А затем началось самое интересное – подсчёт трофеев!

А трофеи по-настоящему впечатляли: двести пятьдесят килограммов золота, на почти двести тысяч долларов, сто четыре тысячи испанских золотых дублонов – ещё четыреста тысяч. И наконец, самое главное: шесть сотен колумбийских изумрудов, лучших в мире. Стоимость камней невозможно оценить даже приблизительно, понятно только, что очень много, миллионы долларов. Всё это было грузом для испанской короны.

На закуску остались личные вещи неизвестного испанского гранда, а именно драгоценности. Три десятка ювелирных украшений из золота и серебра, инкрустированных камнями. Особенно впечатляло одно колечко с десятикартным изумрудом, в моё время на полмиллиона бы оно потянуло, тут же тысяч на двадцать пять.

Экспедиция увенчалась полным, даже, можно сказать, оглушительным успехом. Сколько точно мы взяли, станет понятно позже и уже не во Флориде. Тут сейчас даже банков нет, а к ростовщикам, менялам и местным ювелирам обращаться смысла нет. Так что отложим камушки и большую часть золота до прибытия на Кубу.

Спасибо тебе, архипелаг Кей-Вест. На твоих скалах, конечно, погибло много ни в чём не повинных испанских моряков, но нам грех жаловаться. Подняли мы даже не десятую долю всего, что скрывают окрестные воды, но заниматься поисками всего остального нет ни времени, ни, самое главное, возможности. В двадцатом веке сокровища того же знаменитого галеона «Аточа» искали с помощью самого настоящего «подводного пылесоса», просеяв тысячи и тысячи тонн песка на дне. Я, возможно, сюда ещё вернусь, но потом.

Подняв для безопасности американский флаг, мы пошли домой. Пираты тут есть, и они активны. Правда, большинство из них американцы, и на своих нападают крайне редко.

Плавание до Сент-Августина прошло достаточно спокойно, мои усовершенствованные пушки не понадобились. Один раз, правда, на горизонте показался корабль подозрительного вида, мы было заволновались, но скоро заметили ещё один парус, а затем и ещё. Мимо нас

прошёл целый испанский караван в сопровождении четырёх фрегатов – естественно, что пиратов, если это были они, и след простыл.

* * *

Одиннадцатое января тысяча восемьсот пятого года стало очень важной датой для Сент-Августина. Ещё никогда в его гавань не входило судно с таким дорогим грузом на борту. Правда, знало об этом только очень ограниченное количество людей, а об истинной ценности нашего груза догадывался только я один.

Пока мы шли домой, у меня состоялся очень интересный разговор с Савелием, и, что характерно, начал его он.

– Большой ты куш взял, барин. Как есть большой.

– Что есть то есть, Савелий. Не переживай, ты тоже внакладе не останешься.

– И слава богу, спасибо тебе, барин. Хотя я что, я человек маленький, мне много не надо. А вот на что тебе такие деньжищи?

– Интересный вопрос, как на что? Теперь совсем другая жизнь начнётся, начнём по-настоящему большие дела воротить.

– Вот, вот. Смотрю я на тебя, барин, и не понимаю, зачем тебе это. Ты же человек небедный. Денег с этой твоей резины тебе и так до конца жизни хватит. Но не сидится тебе на месте. Суетишься, придумываешь что-то. Вон целую лодку, под водой плавающую, построил. Мы-то сначала со Стёпкой над тобой, барин, смеялись. Ишь, мол, чего удумал, люди всё ж таки не рыбы, чтобы под водой плавать. А оно вона как повернулось. И знаешь что... – Савелий взял паузу, набил трубку, раскурил и глубоко затянулся. Выпустив дым в ночное небо, он продолжил: – Я так думаю, ты эту резину придумал, чтобы лодку построить. А лодка тебе нужна была, чтобы сокровища со дна морского поднять. Но почему мы их нашли? Море большое, но мы же специально тут на якорь встали. Знал ты, барин, куда идти за сокровищами. Убей меня Бог, знал ты. Вот только откуда?

Твою мать! Прав был этот греческий священник, отец Михаил. Умный-то я умный, а всё ж таки дурак. Действительно, откуда я мог знать, где этот галеон затонул. Попал ты, Гамильтон, как есть попал.

– И что же ты по этому поводу думаешь? – спросил я его.

– А я пока ничего не думаю. Понятно только, что эти деньжищи тебе не для развлечений нужны. И кафтанчик на тебе плохенький, и бабу ты себе нашёл так себе, смотреть не на что. На тебя посмотришь и не скажешь, что богат ты теперь аки Крез какой-нибудь. Зачем сокровища-то тебе, барин?

– Савелий, а ты свою деревню вологодскую помнишь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.